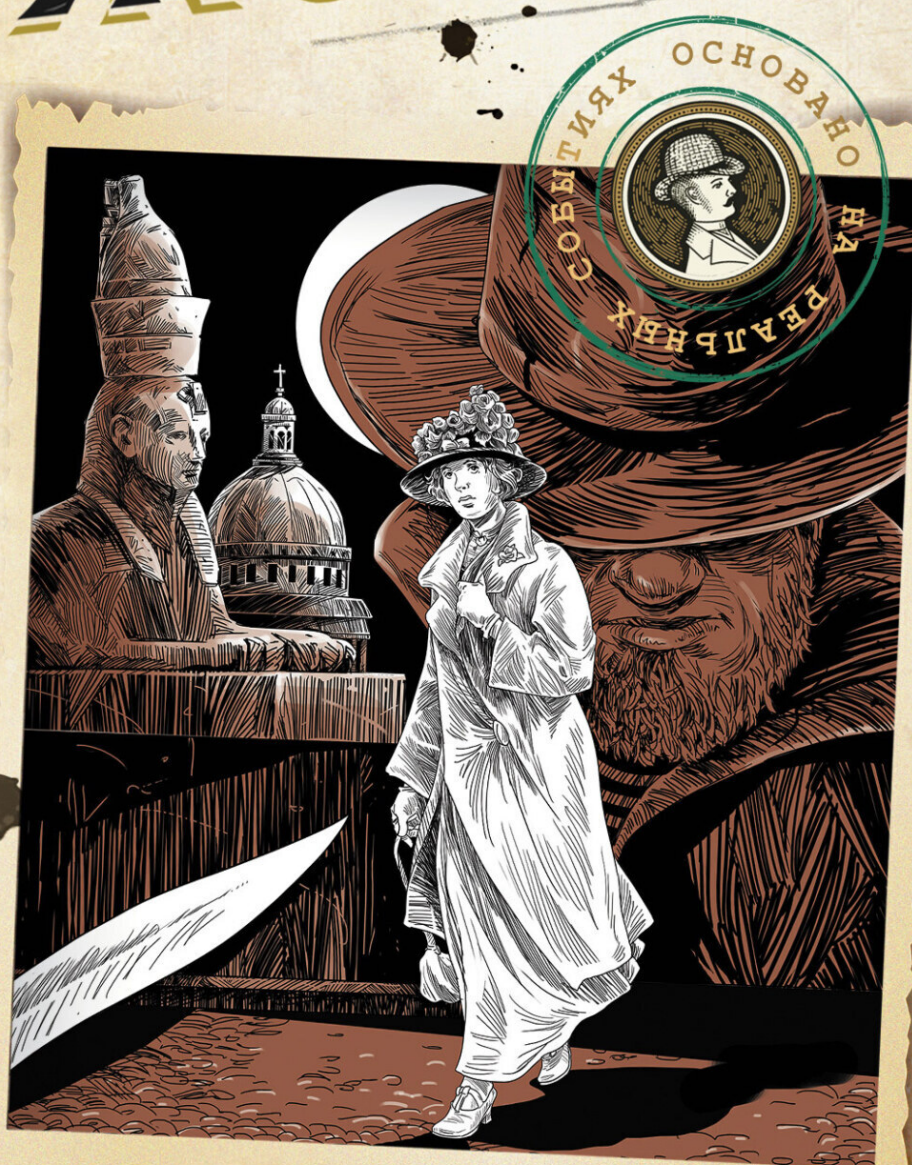

АЛЕКСАНДР ПЕНЗЕНСКИЙ

УЛЫБКИ *уличных* ДЖОКОНД

Мастера сыска

Александр Пензенский
Улыбки уличных Джоконд

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пензенский А. М.

Улыбки уличных Джоконд / А. М. Пензенский — «Издательство АСТ», 2021 — (Мастера сыска)

ISBN 978-5-17-138658-0

Первое официально задокументированное дело российского серийного убийцы относится к началу XX века. В Петербурге была найдена мертвая девушка-проститутка, убитая особо изощренным способом. Судя по всему, убийство ритуальное, и следующая жертва тому подтверждение. Константин Маршал, помощник начальника столичного сыска, ищет преступника, но тот мастерски путает следы. А между тем убийца совсем рядом, и жизнь любимой женщины сыщика висит на волоске. Роман основан на реальных событиях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-138658-0

© Пензенский А. М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть 1. Погоня за тенью	6
Глава 1. Невская ундина	6
Глава 2. Сон и явь	9
Глава 3. Первые выводы	13
Ретроспектива-1. Маменькины премудрости	17
Глава 4. Дела амурные	19
Глава 5. Катя	24
Глава 6. Гатчинский след	30
Глава 7. «Дунай» – это вам не «Англия»!	33
Глава 8. Первый подозреваемый	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Пензенский

Улыбки уличных Джоконд

© Пензенский А., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается моему папе

Основано на реальной истории первого официально зарегистрированного российского серийного убийцы. Некоторые персонажи и сюжетные линии вымышлены.

Часть 1. Погоня за тенью

Глава 1. Невская ундина

Константин Павлович Маршал, помощник начальника столичного сыска, безглаголиво морщился, прижимая к бледному лицу надушенный носовой платок. Надо сказать, что и его патрон, господин Филиппов, был лишен привычного румянца, и повод для того имелся более чем уважительный. За всю свою профессиональную карьеру, весьма богатую на разного рода душегубства, сталкиваясь с подобным Владимиру Гавриловичу еще не доводилось. Единственный, кто пребывал в прекрасном настроении, – полицейский доктор Павел Евгеньевич Кушнир. Отчасти он-то и являлся причиной неестественной бледности и Маршала, и Филиппова. Точнее, его комментарии, коими сопровождался осмотр женского тела, выловленного утром из Невы напротив Валаамского подворья.

– Горло рассечено, на лице три резаные раны, рот располосован практически от уха до уха. Посмотрите, Владимир Гаврилович, даже зубы видно.

Филиппов невольно бросил быстрый взгляд на лицо покойницы и тут же об этом пожалел – к горлу подкатил ком. С трудом сдержав в себе завтрак, он отвернулся, но страшная мертвая ухмылка отпечаталась на сетчатке, будто на фотографической пластине.

– Прямо иллюстрация к Виктору Гюго, – промычал сквозь платок Маршал.

– Долго она плавала, Павел Евгеньевич? – стараясь смотреть только в спину доктора, спросил Филиппов.

– Не думаю. Судя по всему, убили ее вчера не раньше часов пяти вечера. Точнее смогу сказать сегодня после обеда. Тут вот что примечательно: я насчитал у нее на теле и на лице двенадцать ран. И колотых только половина. То есть убийца, умертвив жертву несколькими первыми ударами, а то и вовсе всего одним, после глумился уже над мертвым телом. Да-с.

– Следы полового сношения?

– Владимир Гаврилович, побойтесь Бога. Такую информацию только после осмотра в кабинете, да-с.

Филиппов отошел к воде и осмотрелся. Место не бойкое, винные да пивные склады. Хотя, конечно, сбросить тело в реку могли где угодно выше по течению. Он раскрыл найденный у убитой «желтый» билет. «Настоящий заменительный билет выдан проститутке Блюментрост Анне Михайловне, 20 лет». С трудом перелистнул размокшие и слипшиеся страницы до врачебных отметок. Последнее посещение было три дня назад, 15 июня 1909 года.

Вернулся к месту осмотра. Рядом топтался под надзором околоточного дедок лет шестидесяти в помятом сером пиджачишке и клетчатом картузе, почти до самых глаз заросший нечесаной седой бородой – сторож с Калашниковского пивного склада, выходящего как раз к Неве. Это он, обходя в очередной раз с колотушкой на рассвете территорию, обнаружил прибитое к берегу тело. Старик давно уже с надеждой поглядывал на суровое полицейское начальство, ожидая, когда на него обратят внимание, потому чуть ли не вприсядку кинулся навстречу Филиппову, поймав его взгляд.

– Я что ж гутарю-то, господин хороший, это где ж видано-то, чтоб девок, хучь бы и гулящих, так кровянить-то, а? Ну прибил ты ее по дурости малеха, для разумения, ну со злобы пырнул ножиком-то раз, но где ж это видано-то, чтоб всю так разукрасить, а?

Прервав жестом эту нежданную словоохотливость, Владимир Гаврилович спросил:

– Вас как прикажете величать-то?

– Так Филиппыч я! Парфен Филиппыч, сторож я складской.

– Вы, Парфен Филиппович, расскажите теперь мне еще раз, как вы нашли покойницу?

– Так дело-то не дюже антиресное. Я ж тут при складах обходчиком служу, стало быть, по часам и хожу округ забора, в колотушку стучу.

– Не страшно тут ночами-то?

– Да не шибко. Чего тут лихому люду делать-то? На складах у кажных ворот по будке со стражником, у тех левольверты. Я так вообще мыслю, что меня тут держут, чтоб я энтим будошникам дрыхнуть не давал, – заговорщицки подмигнул Филиппову сторож. – Так вот, шел, значит, по новому кругу...

– В котором часу?

– Да уж кочеты в лавре прокричали, стало быть, ночь-то уж минула. Я к реке-то спустился, умыться хотел, а то уж глаза не разлеплялись. А тут вона какая каракатица, – перекрестил он мелко живот, переведя взгляд на мертвую «желтобилетницу».

– Что ж она, мимо плыла?

– Зачем плыла? Аккурат юбкой об чевой-то на пристани зацепилась.

Филиппов махнул Маршалу, взял сторожа под руку, и они втроем спустились на дощатый настил «пристани» – небольшой площадки, у которой пришвартовывались при необходимости легкие суденышки Финляндского речного пароходства. Доски были нечистые, в маслянистых дегтярных пятнах и мучной пыли.

– Парфен Филиппович, вы барышню сами из воды вытащили?

– Знамо так. Я хучь и седобородый, да пока еще в силе, бабу-то могу поднять. Хотя, прямо скажем, тяжелехонька была, одежда-то намокла вся наскрозь.

– Здесь вы ее на причал опустили. – Филиппов ткнул пальцем в еще непросохшее пятно у самого края. – А потом, как я вижу, на руках отнесли наверх. Не волокли тело?

– Истинно так. – Сторож осенил очередным знаменем сивый рот.

Владимир Гаврилович склонился и начал пристально разглядывать доски под ногами. Помощник последовал его примеру, отойдя в противоположный угол. Двигаясь параллельными курсами, сошлись у того края помоста, что упирался в деревянную береговую подпорку. Филиппов присел на корточки, достал платок и потер одно из темных пятен на посеревшей от времени и близости к воде древесине. Белая ткань испачкалась чем-то темно-бурым. Сыщик поднес руку к носу и почувствовал знакомый железный запах – на платке была кровь.

– Павел Евгеньевич! – задрал голову, крикнул Владимир Гаврилович. – Будьте любезны, спуститесь к нам со своим чемоданчиком!

Пока Кушнир семенил к ним по лестнице, часто перебирая короткими ножками, Константин Павлович внимательно разглядывал деревянную стену.

– Царапины, Владимир Гаврилович, – указал он на длинные борозды, вычерченные на серых бревнах. – Похоже, от ножа. И тоже кровь.

Филиппов кивнул, обернулся к тяжело дышащему доктору:

– Павел Евгеньевич, мы тут с Константином Павловичем подозреваем, что именно здесь нашу новую знакомую и умертвили. Вы поскребите доски, соберите образцы крови – вот тут, на стенке, тоже. Необходимо подтвердить нашу догадку. А вы, Константин Павлович, пригните сюда фотографа, пусть он потщательнее эту наскальную живопись отснимет. И карточку вот отсюда, – он постучал согнутым пальцем по раскрытому «желтому» билету, – пусть переснимет, увеличит и отпечатает нам штук двадцать. Хорошо, голубчик? А я пока пройду до Рождественской части, навещу Аркадия Дмитриевича.

* * *

– Дорогому гостю мое почтение! – Голос Аркадия Дмитриевича Иноверцева, «хозяина» Рождественской полицейской части, гремел радушно, рукопожатие было долгим и крепким,

но в прищуренных глазах читался вопрос: «На кой черт вас, Владимир Гаврилович, в мою отчину принесло?»

С трудом высвободив правую руку из могучей длани Иноверцева, Филиппов уселся в кресло для посетителей, достал из кармана еще влажную бледно-желтую книжечку.

– Аркадий Дмитриевич, взгляните, из ваших особа? – Он протянул собеседнику замечательный билет, раскрытый на странице с фотографией. Тот взял документ двумя пальцами, развернул к свету и прищурился еще сильнее.

– Блюментрост, – пробормотал он, вчитываясь в слегка размытые буквы. – Наша. Из новеньких. Из Новгорода пожаловала в начале года, очень хорошо ее помню. Примерного поведения, хм, ну если можно так выразиться, учитывая, так сказать, специфику ремесла. Это ее выловили из речки нынче?

– Ее. – Филиппов закурил, разогнал ладонью дым и сочувственно покачал головой. – Что же это делается-то? В пяти минутах от полицейского участка так не по-христиански умерщвляют барышню, хоть бы и сомнительного образа жизни? Ах, да вы же подробностей еще не знаете. – Иноверцев развел руками и для убедительности еще покачал головой. – Дюжина ножевых ран. Чуть не освежевал какой-то изверг бедняжку. И все прямо под боком у полиции.

И без того сощуренные веки Аркадия Дмитриевича почти сомкнулись:

– Так ведь сами видели, Владимир Гаврилович, у нас же тут одни стены да заборы, не чета вашим местам. С одной стороны лавра огородилась, чисто кремль. С другой – склады. Я вовсе ума не приложу, как туда, – он подсмотрел в билет, – Анну Михайловну занесло. Обычно то барышни наши вокруг Знаменской площади¹ промышляют, там многие и комнатки свои имеют, да и не шибко дорогих гостиниц хватает, которые по часам номера сдают. Не иначе как клиент попался не сильно денежный, не пожелал по летнему времени за номер доплачивать.

– Понятно. – Филиппов затушил папиросу и поднялся с места. Встал и Иноверцев. – Мы вот как поступим, Аркадий Дмитриевич: я к вам в огород лезть не стану, не переживайте. Но живодера этого нам сыскать нужно предельно споро. Так что вы остальных барышень, которые у вас на учете состоят, опросите крайне внимательно и пристрастно: с кем их товарка вчера вечером уходила, когда ее и кто в последний раз видел, где, одну ли? Были ли постоянные поклонники? Не было ли среди них господ с садистическими склонностями? Ну да не мне вас учить, не первый год службу справляете. И о результатах безотлагательно меня извещайте. Договорились?

Прощальное рукопожатие было не в пример мягче, но пожалуй что искреннее.

---

¹ Ныне площадь Восстания.

Глава 2. Сон и явь

Константин Павлович Маршал шел по пустынной набережной Невы мимо длинной, высокой стены из оштукатуренного камня. Поверх этой ограды, нависая тяжелым шатром над стелящейся вдоль нее дорожкой, перешептывались с рекой темные липовые ветки. Странно, он бывал здесь и раньше, но ему казалось, что забор вокруг Никольского кладбища был чугуновый, а не каменный. В глубине огражденной территории как-то истерично заголосили церковные колокола Александро-Невской лавры. Константин Павлович хотел было перекреститься, но устыдился этого невольного желания – человеком он себя считал прогрессивным и к религии и ее служителям относился скептически.

Спрятав правую руку в карман, подальше от соблазна, он перебежал проезжую часть и остановился над рекой. С Невы пластался белый рассветный туман, и поверх молочной воды тихий женский голос разливал какую-то слезливую песню о нелегкой девичьей судьбе:

Мне, молодой, тошным-тошненько, грудь-сердечушко болит,
Грудь-сердечушко болит, бело личико горит.
Про меня, красну девицу, худа славушка прошла,
Будто я, красна девица, полюбовничка нашла.

Невидимая певица выводила куплет за куплетом, жалуясь на горькую долю деревенской девушки, обманутой заезжим городским волокитой. Константин Павлович достал папиросы, чиркнул о коробок, затянулся, проводил глазами улетающую в Неву спичку, скользнул взором по мелким речным волнам. Взгляд его споткнулся о какую-то цветную грудку тряпья, бившуюся о дощатый причал. Между лопаток пробежали мурашки от нехорошего предчувствия. Маршал нахмурился, сделал еще одну затяжку и медленным, осторожным шагом двинулся в сторону этого непонятного объекта. Песня приближалась – похоже, певунья сидела у самой реки. Спустившись по скрипящим ступенькам, он ступил на покачивающийся и пружинящий под его шагами понтон, подошел к самой кромке воды и заглянул за край настила. Оттуда, обрамленное колышущимися в беспокойной воде распущенными волосами, ему неестественно широко улыбалось молодое женское лицо. Глаза были блаженно закрыты, рассеченные от уха до уха губы шевелились, тщательно выговаривая рифмованные строчки:

Ах, любовь, любовь-злодейка, всю волюшку отняла,
Всю волюшку отняла, нагуляться не дала...

Низкое просыпающееся солнце ударило по глазам Маршала, отразившись от дешевой стеклянной брошки на груди ундины, он дернул головой – и проснулся.

По мокрой подушке полз солнечный зайчик, в открытые настежь окна влетал далекий колокольный перезвон, с кухни доносилось шкворчание, сопровождаемое тихим пением – Зина готовила завтрак.

Константин Павлович натянул на лицо одеяло, вытер липкий пот, отгоняя остатки кошмара. Вчера, проводив Филиппова в Рождественскую часть, он еще попросил фотографа сделать несколько крупных кадров истерзанного лица убитой. Родилась у него по этому поводу одна идея. Само собой, и сам насмотрелся. Отсюда и сны.

А идея была в следующем. Предстоял долгий и рутинный опрос гуляющих барышень. Публика эта хоть от полиции и сильно зависящая и порой вынужденная делиться интересующей правоохранителей информацией, но инициативой в этом самом сотрудничестве не сильно-то

отличающаяся. А фотографии ужасной улыбки бывшей товарки должны были поспособствовать их откровенности.

Маршал сел, потянулся, а потом резким прыжком выскочил из кровати. Упал на руки, несколько раз быстро отжался от пола, взялся за гири. Когда чугунные шары громыхнули об пол, обозначив набатом окончание утренних упражнений, из столовой раздался Зинин голос:

– Константин Павлович, завтрак на столе.

Он накинул халат и быстрым шагом прошел в соседнюю комнату, надеясь застать там сладкоголосую певунью, но в прихожей уже хлопнула дверь. На белой скатерти стоял кофейник, плетеная корзинка манила свежей сдобой, и что-то еще пряталось от глаз, прикрытое салфеткой. Но даже сквозь плотную ткань пробивался аромат, от которого рот Маршала наполнился слюной. Он судорожно сглотнул и сдернул салфетку. От тарелки поднялось облачко пара, еще сильнее обдав дивным запахом Константина Павловича и открыв взгляду какой-то невероятный омлет с разноцветной овощной начинкой. Откуда Зина выискивала свои рецепты, опытный сыщик не сумел выяснить даже после того, как их отношения вышли за рамки, принятые между прислугой и работодателем.

Молодой человек уселся за стол, схватился за вилку, но в памяти не вовремя всплыло бескровное лицо Анны Блюментрост. Рука, готовящаяся заложить за ворот салфетку, сжала горло в попытке сдержать рвотные судороги. Вилка снова легла на стол. Маршал встал, скомкал накрахмаленную ткань и грустно посмотрел на завтрак. Похоже, в жизни нерелигиозного полицейского намечался неопределенной длительности пост. С трудом проглотив залпом чашку кофе, он направился в ванную комнату.

Спустя полчаса он уже мерил широкими шагами Большую Конюшенную, время от времени морщась от кухонных ароматов, вылетающих из раскрытых окон и хлопающих дверей.

* * *

Зина выпорхнула из парадной, нырнула в Мошков переулок, легкой пружинящей походкой вылетела на набережную и уже более степенным манером направилась в сторону Троицкого моста. Настроение у нее было просто великолепное, и она с трудом сдерживала себя, чтобы опять не сорваться на легкомысленное порхание. Путь ей предстоял не близкий. До Сытного рынка идти было никак не меньше часа, но она любила в погожий день прогуляться с корзинкой, подумать о том, какая же она счастливая. Вот и теперь, шурясь на иглу Петропавловского собора, она вспоминала вчерашний вечер, временами заливаясь очаровательным румянцем, и опасливо оглядывалась – не подслушал ли кто ее мысли, не косит ли ревниво-глазливый взгляд? Но мгновение спустя ее взгляд снова туманился, а розовые губки, не оскверненные помадой, слегка растягивались в задумчивой улыбке.

Она перешла через Неву, свернула с проспекта к Ортопедическому институту. Через четверть часа, оставив позади приятную прохладную тень Александровского парка и уже завидев впереди рынок, Зина мысленно приготовилась к ожидающей ее суете и многолюдью, собираясь с духом перед неминуемой битвой с горластыми торговцами. И остановилась в удивлении.

Площадь перед рынком была пуста – ни привычных навесов с разным варевом и печеном, ни сбитенщиков, ни обмотанных связками калачей мальчишек. А на громадных запертых дверях белел какой-то листок. Подойдя вплотную, Зина пробежала глазами по отпечатанным на машинке строчкам: «По постановлению санитарно-исполнительной комиссии СПб. Градоначальства, ввиду своего крайне антисанитарного состояния, Сытный рынок закрыт впредь до переустройства». Упершись взглядом в синего гербового орла на печати, Зина озабоченно наморщила брови. Вот тебе и прогулялась! Теперь без извозчика точно не обойтись. Она,

конечно, думала еще заехать на Ямской за телятиной, но теперь-то за всем остальным придется идти в Гостиный Двор, а там торгуйся – не торгуйся, все одно переплатишь втридорога!

Она почти бегом вернулась на Кронверкский проспект, чуть не грудью остановила первого «ваньку» и покатила обратно. Мелькнула черная барашковая гладь реки, медленно ползущий по мосту трамвай, Марсово поле, пряничные маковки Спаса. Но она не любовалась красотами залитой солнцем столицы, а лишь часто посматривала на крохотные наручные часыки – мамин подарок на окончание гимназии – и время от времени нетерпеливо молотила маленьким кулачком по спине извозчика, и так нахлестывающего чаще обычного свою каурюю кобылу.

На рынке она, приложив к лицу кружевной платок, чтобы не чувствовать тяжелый парной запах убоины, прошла сразу к знакомому мяснику – здоровенному бородатому детине лет тридцати. Возле него стоял покупатель, придирчиво разглядывая выложенные на прилавке пласты сала, свиные головы, голяшки и прочие съедобные части животных туш. Задумчиво почесывая шкиперскую бородку, он время от времени справлялся о свежести понравившегося куска, получал неизменные уверения в том, что все еще вечером бегало, хрюкало или мычало, и продолжал исследовать ассортимент. Наконец, остановившись на куске самой дешевой пупырчатой требухи, он расплатился, сунул сверток под мышку и резко повернулся к выходу, налетев грудью на нетерпеливо мнушуюся рядом Зину.

– Ох, Зинаида Ильинична. – Он придержал за локоть пошатнувшуюся барышню. – Простите мою неуклюжесть.

Незнакомец приподнял шляпу, и выяснилось, что никакой он не незнакомец, а вовсе наоборот.

– Это вы меня извините, Николай Владимирович, сама виновата – уж больно близко я стояла. – Она высвободила руку, поправила чуть съехавшую шляпку и улыбнулась покупателю требухи: – Давно вас не было видно. Все плавааете?

– Моряки не плавают, сударыня, а ходят, – поклонился он в ответ.

– Капитан Нейман, – шутливо отсалютовала Зина.

– Пока лишь штурман, фройляйн Левина. – Молодой человек тронул пальцами поля шляпы. Видно было, что фразы эти звучат уже не в первый раз, служа дополнением к обычному приветствию.

Еще раз поклонившись, Николай Владимирович развернулся и стал протискиваться к выходу, а Зина заняла его место перед прилавком.

После недолгого изучения ассортимента ткнула рукой с платочком понравившийся ей кусок и снова зажала носик. Мясник одобрительно кивнул, ловко отхватил от указанного ей телячьего отруба почти половину, фунта этак на три, и обернул в коричневую бумагу. Не спрашивая согласия, моментально свернул из другого листа кулек и закинул туда круг домашней колбасы.

– На пробу, Зинаида Ильинична, в угощение.

– Балуете вы меня, Тихон Савельевич. – Улыбнувшись, Зина присела в книксене, а мясник радушно расплылся в ответной улыбке. Эта церемония повторялась во время каждой их встречи, добавляя к Зининому столу то копченую грудинку, то кровяную колбасу, то малосоленую ветчину.

Мальчик – племянник того самого мясника – подхватил свертки и рысью выбежал на Разъезжую. Можно было не сомневаться, что покупки окажутся в квартире Маршала на Мойке много быстрее, нежели туда вернется сама Зина. Ее бережливости предстояло тяжелое испытание ценами Гостиного Двора.

Потерянное время было наверстано в полусумасшедшей гонке на извозчике через весь город, поэтому до Гостиного Зина решила добираться более экономным способом – села на конку, цокающую в сторону Николаевского вокзала, а затем планировала переменить ее на трамвай на Знаменской площади. Оглядываясь в ожидании по сторонам, Зина заметила знако-

мого из мясных рядов, приветливо махнула ему платком, но тот, похоже, не заметил ее жеста. Тренькнул подкативший вагон и увез девушку вверх по Невскому.

Глава 3. Первые выводы

Постучавшись в дверь кабинета Филиппова и не дождавшись ответа, Константин Павлович подергал ручку, убедился, что замок заперт, и направился к дежурному. Тот переадресовал визитера в подвал во владения доктора, но на лестнице Маршал столкнулся с Владимиром Гавриловичем. Начальник был так же бледен, как и вчера утром на набережной при осмотре тела, да еще вдобавок под глазами залегли синеватые тени. После обоюдных приветствий Филиппов взял Константина Павловича под локоть и повел не к своему кабинету, а к выходу из здания.

– Давайте на воздухе покурим, что-то мне не по себе от таких зверств, – раскрывая портсигар, пробормотал Владимир Гаврилович.

Маршал понимающе кивнул, поднес шефу зажженную спичку и закурил сам. Они неспешно двинулись вдоль изгибающегося дугой канала в сторону Никольской церкви.

– Новости? Версии? – Константин Павлович непроизвольно поежился от плеска воды в канале – ему вспомнился ночной кошмар.

– Новости будут чуть позже – Павел Евгеньевич обещал закончить отчет в течение часа. Ну а что касается версий, то тут полный крах. Конечно, в первую голову напрашивается ссора с «котом». Но барышня не из «уличных», ремеслом своим занималась вполне легально, регулярно посещала доктора, отмечалась в участке – Аркадий Дмитриевич ее вспомнил. И, как говорят ее товарки, обходилась без услуг сутенера. Банальное ограбление, само собой, тоже не стоит вовсе уж отмечать, но думается мне, что для отнятия у несчастной кошелька хватило бы простых угроз, без наличествующего изуверства. Тем не менее денег при ней мы не нашли. Ну и последнее – Аркадий Дмитриевич Иноверцев уже телефонировал утром из Рождественской. Они там с вечера опрашивают всех своих... подопечных. И уже есть приметы одного господина.

Филиппов и Маршал остановились, пропуская ползущую с Харламова моста конку – лошадь смиренно тащила полупустой вагон, время от времени охаживая себя по лоснящемуся крупу хвостом и дергая черными бархатными ушами. Редкие пассажиры отгородились от окружающего мира газетными листками, в которых наверняка уже в красках было описано вчерашнее убийство со всеми сопутствующими шпильками в адрес петербургской полиции.

Владимир Гаврилович открыл было рот, чтобы продолжить, но его снова прервали – на этот раз колокола Никольского собора. Константин Павлович вздрогнул – очень уж происходящее напоминало ночное видение. Он опасливо покосился в сторону воды, боясь увидеть там воплощение своего сна, но, по счастью, единственной утопленницей оказалась плывущая почти посередине канала бутылка из-под «казенной».

– Беспокойная ночь? – участливо осведомился Филиппов. – Понимаю – сам почти всю провел на ногах. Только голову к подушке прислонишь, глаза закроешь – и вот она, улыбается...

– Вы начали про приметы, Владимир Гаврилович, – не вполне вежливо вернул начальника в деловое русло Маршал.

Но тот не обиделся, а наоборот, с благодарностью кивнул и принялся перечислять:

– Стало быть, так. Коллеги мадемуазель Блюментрост в последний раз видели ее с довольно заметным субъектом. Высокий, но сильно сутулый. Судя по походке, не старый. Одет совсем не по погоде, в длинное черное пальто и такого же цвета шляпу с широкими полями. Настолько широкими, что видна была лишь нижняя часть лица с бородой. Возможно, без усов, но тут девушки путаются.

– Прямо скажем, не густо, – почесал бороду Маршал. – От растительности на лице легко как избавиться, так и приклеить ее заново. Плечи расправить, одежду переменить – вот и нет у нас никаких примет.

– Есть еще одна маленькая деталь – все опрошенные отмечают невероятно длинные руки. Одна барышня даже сказала, что он ими – цитирую – «по коленкам себя хлопал, как чимпанзе в зоологическом саду».

Они перешли мост и повернули обратно в сторону участка, но направились не вдоль канала, а решили срезать по средней из трех Подъяческих – то ли действительно хотели сократить дорогу, то ли просто подсознательно выбрали путь, отгородивший их несколькими линиями домов от плеска воды.

Какое-то время шли молча – Маршал впервые, а Филиппов уже не счесть в какой раз за день обдумывали имеющуюся у следствия информацию. Лишь когда улица почти закончилась и снова стали слышны удары волн о каменные берега, Константин Павлович нарушил молчание:

– Не соглашусь я с вами про заметность субъекта, Владимир Гаврилович. Судите сами: как я уже сказал, борода может быть фальшивой, да и от настоящей избавиться не так уж сложно – день-другой, и даже под нашим солнцем цвет лица выправится. Сутулость не дает нам ни четкого представления о росте, ни об упомянутой длине рук. Посмотрите, – он ссутулился, коснулся кончиками пальцев колен. – Я подхожу под описание. Да и вон, господин Отрепьев тоже вполне вписывается.

Он указал в сторону довольно высокого господина, размахивающего длинными руками. Это был письмоводитель Казанской части Николай Антипович Отрепьев. Он явно старался привлечь внимание Филиппова с Маршалом и, увидев, что те наконец посмотрели в его сторону, бросился им навстречу.

– Владимир Гаврилович! Константин Павлович! – принялся кричать молодой человек еще с середины моста. – У доктора отчет готов, велели вас срочно разыскать!

Владимир Гаврилович побледнел, подхватил чиновника за руку и чуть ли не умоляюще попросил:

– Господин Отрепьев, Николай Антипович, вы спуститесь к Павлу Евгеньевичу, скажите, что мы с Константином Павловичем его в моем кабинете подождём. Пусть уж он вознесется из своего Аидова царства к грешникам, пока еще здравствующим.

* * *

Они вошли внутрь и разошлись по лестницам – Филиппов и Маршал направились вверх, а Отрепьев – вниз, в мертвецкую.

Спустя пять минут доктор Кушнир рассказывал о результатах своих изысканий:

– Убитая умерла от проникающего ранения прямо в сердце. Еще одним ударом повреждена бедренная артерия. Какое ранение было нанесено прежде другого, определить не представляется возможным, да это и неважно – смертельны оба, попадание в сердце лишь избавило несчастную от долгой агонии.

– А рассеченное горло? Это разве не смертельно? – удивленно приподнял бровь Маршал.

– Смертельно, – кивнул в ответ доктор. – Но не думаю, что в этом случае. Когда человеку, находящемуся в сознании, перерезают горло, он непременно схватится за рану руками. А у госпожи Блюментрост – я верно запомнил имя? – руки чистые. Ну, в смысле чистые от крови. Так что этот удар убийца наносил уже мертвой жертве. Как и большую часть резаных ран.

Владимир Гаврилович возражающе поднял руку с папиросой:

– Павел Евгеньевич, она же в реке плавала, кровь-то могла смыться водой.

– С рук – могла. С рукавов – нет.

Филиппов согласно кивнул.

– Следов полового контакта нет, – произнес Кушнир и замолчал.

– Это все? – Владимир Гаврилович пристально посмотрел на эксперта из-под седеющих бровей.

Доктор достал табакерку, свою короткую трубочку, начал набивать ее. Маршал и Филиппов терпеливо ждали продолжения. Наконец, попыхтев, раскуривая и выпустив первые колечки ароматного дыма, Павел Евгеньевич продолжил:

– Судя по расположению ран и по характеру разрезов, убийца держал нож в правой руке. И есть одна странность, господа. Все раны имеют очень аккуратные края.

– Что тут странного? – непонимающе приподнял бровь Константин Павлович.

– А то, что такие разрезы оставляют очень острые инструменты. Я бы даже сказал – хирургически острые. Уличные бандиты таких ножей не имеют, я ведь прав, Владимир Гаврилович?

Филиппов снова кивнул и спросил:

– Может, бритва?

– Могла бы быть. Если б не было колотых ран.

– Скальпель?

– Исключено. Достать им до сердца возможно лишь гипотетически. А самая неглубокая из ран вдвое превышает длину лезвия скальпеля. И ширину. Да и сложно им колоть, уж поверьте врачу.

– Есть предположения?

– Есть. – Павел Евгеньевич снова выпустил несколько колец дыма. – Мясник. Либо человек, обожающий холодное оружие.

Повисла пауза, участники беседы обдумывали услышанное. Первым прервал молчание опять же доктор:

– И вот еще что, господа... Не знаю, стоит ли это говорить, но тем не менее... Вы же помните лицо жертвы? Так вот. Осмелюсь предположить, что ее ужасная улыбка – не случайность. Убийца очень аккуратно, я бы даже сказал, педантично, сделал практически одинаковые по длине разрезы от уголков рта к ушам. И боюсь, что мы имеем дело не со спонтанным убийством в припадке ярости, а с неким ритуалом.

– Маньяк? – спросил Филиппов.

Доктор утвердительно тряхнул шевелюрой. Маршал посмотрел на начальника:

– Вы же понимаете, что это означает, Владимир Гаврилович?

Филиппов обреченно покивал, доктор тяжело вздохнул, и только письмоводитель растерянно вертел головой.

– Это значит, что нам следует ждать вскорости нового убийства, господин Отрепьев, – резюмировал Владимир Гаврилович. – А может, и это убийство не первое. Нужно запрашивать у соседей.

Отрепьев слотнул и пробормотал:

– Да неужто ж можно такое не в сердцах натворить? Чтоб в полном разумении? И потом спокойно по улицам ходить, пить, есть, с людьми разговаривать?

Доктор Кушнир сочувственно посмотрел на юношу:

– Мы имеем дело с человеком душевно нездоровым. Я общался с коллегами, изучающими подобные отклонения, и они говорят, что наш резатель может жить обычной жизнью, быть вполне себе респектабельным господином и даже отцом семейства, нежно любящим жену и детей. Он может даже не помнить о том, что он творит. Обычно при таком расстройстве рассудка в одном человеке уживаются две личности, и они могут не подозревать о существовании друг друга, вытесняя время от времени одна другую.

– Доктор Джекилл и мистер Хайд? Я думал, это вымысел.

– Конкретно это сочинение, конечно, вымысел. Но есть и задокументированные случаи. Ну или другой вариант: человек придумал себе миссию, высокую идею. Он считает ее верной и вовсе не предосудительной. Потому и совестью не угрызается.

Ретроспектива-1. Маменькины премудрости

Опять некстати приснилась мать. Он ведь в детстве был примерным мальчиком. Добрым. Очень любил маму. Все, что до сих пор осталось в нем хорошего, – от нее.

Мама говорила: «Сынок, непременно старайся понравиться людям. А чтобы понравиться – слушай больше, чем говори».

И сынок старался. Однажды в самое последнее лето перед гимназией он был отправлен из родного Нижнего к престарелой отцовской тетке в Саратов. Тетка была очень богатой, содержала громадное поместье, накопила миллионы, но родню свою не любила, многих пережила и все свое огромное состояние хотела оставить монастырю. Родители отправили сына без особой надежды расшевелить хоть и богомольное, но чрезвычайно черствое и мизантропическое сердце – так, на всякий случай. Кто же знал, что постреленок сумеет подобрать к этому сердцу ключик, да такой, что насилу вырвется к началу занятий от вспыхнувшей к нему любовью двоюродной бабки. А всего-то и надобно оказалось поприставать к старухе с расспросами о жизни, а потом только слушать вечерами да головой сопереживательно кивать.

Так что, когда прибыл папенька забирать свое дорогое чадушко, тетка сперва устроила обильнейший стол с множественной сменой блюд и вином, а после громогласно объявила о своем желании духовную переписать в пользу «милого младенца», а самого отрока отправить в Петербург на учебу. Папеньку чуть удар не хватил, насилу отдышался. А потом он снова чуть не помер от того, что той же ночью у подобрешней тетушки у самой апоплексия приключилась – то ли собственной щедрости душа ее не вынесла, то ли предстоящее расставание с тем самым «младенцем» оказалось ей не по силам, но только померла несостоявшаяся благодетельница, так и не переменив завещания.

Так что вместо столичного обучения пришлось все-таки отправиться в нижегородскую гимназию. И тут уж он матушкиным заветом сумел воспользоваться в полной мере, став любимцем всех преподавателей. Правда, почти сразу же случилось ему невольно постичь и другую истину, о которой матушка не сообщала, – не всем нравится, когда одного из многих отличают и ежечасно в пример ставят. Поколотили его несостоявшиеся товарищи к середине первого же месяца.

И тут пригодилась юному гимназисту уже другая маменькина максима: «Коль всем понравиться не сумеешь, определи того, кого все либо уважают, либо боятся, – и полюбись ему». Хотя, откровенно говоря, вряд ли это можно назвать самостоятельной мудростью. Скорее, продолжением первого совета.

Долго искать того, кого все боятся, не пришлось – он ведь и был главным инициатором произведенной над малолетним выскочкой экзекуции. Сын нижегородского полицмейстера, красномордый здоровый мальчишка, явно привыкший ко всеобщему раболепству, любящий самоутверждаться за счет более слабых учеников. Оставалось лишь дожидаться подходящей okazji. И тут опятьгодились маменькины слова.

«Ты можешь, – философствовала она как-то во время их чаепития в саду, – сидеть на берегу реки и смотреть на прекрасную яблоню, растущую на другой стороне и увешанную вкусными, спелыми плодами. И ждать, пока ветер уронит яблоко в воду, а река выбросит его к твоим ногам. Можно провести в этом ожидании всю жизнь, глядя, как непослушное течение проносит мимо тебя налитые соком яблоки. А можно научиться плавать, чтобы пересечь реку и самому добыть то, что тебе хочется. Случай нужно создавать, а не ждать его покорно».

Чтобы создать случай, нужно было понять, что этому глупому и избалованному полицмейстерскому отпрыску важно в жизни, кроме издевательств над сверстниками. Неделю пришлось следовать за ним тенью, наблюдать из-за углов и через частокол забора их казенного дома. А однажды даже рискнул и, перебравшись через этот самый забор, два часа провел на

яблоне, вглядываясь и вслушиваясь в жизнь большого дома (прямо как в матушкиной сказке, даже яблок на дереве было по осеннему времени предостаточно). И понял, нащупал нежное место у совсем, казалось, нечувствительного увальня. Правда, чуть не был пойман, но «чуть» – это не в счет.

Оказалось, что грубый и жестокий мальчишка, постоянно шпыняющий гимназическую мелюзгу, отнимающий завтраки и карманные копейки, совершенно преобразается, играя с подаренным отцом щенком пуделя (этот абрикосовый балбес, учуяв через окно постороннего, поднял такой лай, что пришлось кубарем скатиться с дерева и улепетывать через сад).

Ну а дальше все просто – нужно было лишь увести бестолкового кобелька, подманив его куриной шеей, а потом, через день, вернуть зареванному хозяину, поведав душераздирающую историю о том, как героически спас почти затравленного уличными дворнягами кутенка. Показать разорванные штаны (жалко, конечно) и царапины на ноге (больно, шипом с акации до крови разодрал, нарочно побольше расстояние между полосками сделав) и смиренно принимать благодарные всхлипы. Слава богу, у кучерявого щенка на ошейнике медаль с выбитым адресом была, а то пришлось бы еще придумывать, как это спаситель вычислил, чей пес.

С тех пор учебу уже ничто не омрачало.

Глава 4. Дела амурные

В кабинете градоначальника Санкт-Петербурга подводил итоги своего доклада начальник столичного сыска Владимир Филиппович Гаврилов. Слушателей было трое: во главе собрания хмурил брови сам хозяин кабинета, генерал-майор Даниил Васильевич Драчевский, а за столом для заседаний, напротив друг друга, сидели начальник Управления отделения по охране общественной безопасности и порядка генерал-лейтенант Александр Васильевич Герасимов и скромный участковый пристав Рождественской полицейской части Аркадий Дмитриевич Иноверцев. Все трое слушали совершенно по-своему: градоначальник сводил брови к переносице, время от времени поправляя ладонью редковатый зачес над высоким лбом; начальник политической полиции как приподнял в самом начале доклада правую бровь, так и держал это слегка недоуменное выражение лица, как бы адресуя докладчику немой вопрос: «На кой черт меня сюда позвали?» А господин пристав сидел, почти не касаясь филейными частями стула, ибо в этом высоком кабинете был впервые и, несмотря на свое богатырское сложение, явно чувствовал себя весьма ничтожным в сравнении с золотопогонными генералами.

Тем временем Владимир Гаврилович изложил выводы:

– Итак, Даниил Васильевич, картина, увы, весьма тревожная: мы явно имеем дело не с простым убийством, а с неким ритуалом. И им одним дело, вероятнее всего, не кончится. Это только начало – я с особым пристрастием опросил всех приставов, не утаивали ли они подобных происшествий в прошлом. Увы. И что печальнее всего, мы совершенно безоружны. Если бы убийство было не первым, мы могли бы, для начала, сузить территорию поисков, во-вторых, составить примерный портрет типичной жертвы, а в-третьих, спрогнозировать периодичность. Но увы, все, что у нас есть – это весьма приблизительное описание внешности изверга. Так что нам остается лишь ждать следующего инцидента.

Филиппов захлопнул лежащую перед ним кожаную папочку и замолчал.

Градоначальник в очередной раз поправил на лысине редкие пряди, помедлил – не скажет ли еще чего докладчик, но, не дождавшись, проворчал:

– Ну хватит вам, Владимир Гаврилович. Если бы вы планировали спокойно ждать, вы бы мне об этом наедине довели. Что вы предлагаете и для чего вы здесь такой ареопаг собрали? Не томите, у Александра Васильевича сейчас от недоумения паралич лица приключится, а у Аркадия Дмитриевича, пожалуй, что и общий коллапс намечается от волнения.

Генерал Герасимов возмущенно вздернул вторую бровь, а пристав залился краской, польщенный тем, что главное лицо города запомнило его по имени-отчеству. Филиппов же нахмурился, будто бы в очередной раз взвешивая все «за» и «против», решительно отодвинул от себя папку и опять поднялся с места.

– Ждать без толку и впрямь не стоит. Во-первых, следует в кратчайший срок опросить всех околоточных и городских: не было ли незарегистрированных обращений о неудавшихся нападениях – возможно, что убийство и первое, а попытка – далеко не первая. У меня на это полномочий нет, да и ни к чему они мне. А вот Аркадию Дмитриевичу я вас прошу их на время сыска по этому делу предоставить – он с коллегами скорее общий язык найдет. Во-вторых, я прошу содействия Александра Васильевича и его ведомства. У него множество штатных и заштатных сотрудников во всех сферах. Неплохо было бы попросить их обращать внимание не только на неблагонадежные в политическом плане беседы, но и на похвалы или угрозы в адрес гулящих женщин. Да и не только гулящих. Если убийца и в самом деле маньяк, то он должен гордиться содеянным и стремиться поделиться подвигом. В-третьих, нужно разослать запросы в близлежащие губернии: не случалось ли у них подобных ужасов, не оттуда ли к нам этого пакостника занесло. Ну и пункт пока что заключительный: еще раз следует настой-

чиво и внушительно поговорить со здравствующими барышнями, разыскав всех отсутствующих.

* * *

Потекли одинаковые, словно стеклянные бусы, дни. Не сказать, что дел вовсе не было – народонаселение столицы не стало вдруг законопослушным: случались и разбойные нападения, и квартирные кражи, и даже убийства на почве ревности или корысти. Среди убитых за четвертую неделю июня попались и две миловидные дамы, но ни в одном из преступлений не угадывался почерк душегуба с Калашниковской набережной. Хотя на каждый случай прибывали лично Филиппов с помощником и доктором Кушником, придирчиво, в три пары глаз, вглядывались в раны, но Павел Евгеньевич категорично мотал своей бородкой, и дело переходило в ведение соответствующего пристава.

Еще раз были опрошены все петербургские жрицы любви, находящиеся в городе. Отсутствующих объявили в розыск, имеющимся в наличии еще раз предъявили словесный портрет предполагаемого длиннорукого убийцы в черном пальто и пасторской шляпе. Скорее, в профилактических целях.

Раскинутая же политическим сыском широкая сеть пока никакого улова не принесла.

По прошествии недели с момента первого и, хвала небесам, пока единственного в своем роде убийства Константин Павлович Маршал испросил у Владимира Гавриловича трехдневный отпуск, так удачно устроившийся между выходным днем по случаю Рождества Иоанна Предтечи и ближайшим воскресеньем. Отпуск этот потребовался ему для того, чтобы все-таки навести некую определенность в своем полухолостом положении. Ибо на этом фронте ситуация сложилась довольно странная и для ответственного Константина Павловича не вполне комфортная.

Занятый службой, Маршал покидал квартиру рано, возвращался поздно. Утром его неизменно ждал волшебный завтрак, но в одиночестве – Зина успевала все приготовить до его пробуждения и убежать до его выхода в столовую. Вечером же накрытый стол теперь всегда уходил на второй план, обед сильно простывал, уступая место иным человеческим нуждам, но в такие моменты – весьма приятные, но к вдумчивому разговору никак не располагающие – также ничего разрешить не удавалось. А совместно принимать пищу и уж тем более оставаться на ночь в квартире Константина Павловича Зина отказывалась наотрез. Несколько раз, собрав в кулак всю волю и решительно задрав подбородок, Маршал пытался предотвратить предобеденное действо, силясь завести разговор о женитьбе или хотя бы совместном проживании. Но едва ль найдется во всем свете хоть один здоровый мужчина, умеющий сохранять здравость мысли и твердость характера под воздействием нежных женских рук и мягких, жаждающих ответного движения губ.

Лишь однажды проскользнула полунамеком тема общего будущего. Уже после того, как он перестал именовать горничную по имени-отчеству и вручал ей второй ключ от квартиры, Зина, принимая, натянула колечко, на котором висел сам ключ, на безымянный пальчик и улыбнулась:

– Почти впору. Вот и обвенчались.

И хлопнула дверью прежде, чем Маршал смог придумать что-либо в ответ.

Теперь же подготовился Константин Павлович основательно – заказал на вечер хороший столик в «Дононе», не в зале, а в саду, чтобы можно было спокойно поговорить. Ресторан был выбран даже не столько из-за статуса, сколько из-за стратегического расположения – Зина обычно доезжала из дома на «пятом» трамвае до Мойки и шла на квартиру к Маршалу нечетной стороной. Расчет был на то, чтобы встретить ее на Певческом мосту и, воспользовавшись

ее неминуемым замешательством, утащить в ресторан. Уж оттуда она точно не сбежит, постесняется.

В начале пятого, заняв пост ровно посередине моста (вдруг Зина решила бы пойти по другой стороне), Константин Павлович, прикрывшись свежим выпуском «Петербургской газеты», изготовился ждать. Самым сложным в этом занятии оказалось не отвлечься на чтение, ибо в главной статье номера описывались очень волнующие Маршала события переворота в Тегеране.

К счастью, описания новых злоключений юного шаха закончились как раз вовремя – подняв в очередной раз глаза над газетным листком, Константин Павлович увидел Зину, довольно спорно идущую вдоль линии домов. Порыв летнего ветра приподнял полы ее шляпки, она ахнула, прижала рукой головной убор – и ахнула во второй раз, увидев сворачивающего на ходу газету Маршала. Тот же, воспользовавшись изумлением и растерянным состоянием девушки, заложил ее руку за свой локоть и направился в знакомую арку.

Пройдя вслед за распорядителем к столику, Константин Павлович взялся за спинку стула. Зина, поняв, что момент для бегства упущен, обреченно опустила на затянутое полосатым атласом мягкое сиденье. Тут же подлетел официант-татарин в черном фраке и с шелковым бантом на короткой шее и затараторил:

– Константин Павлович, добрый вечер. Настоятельно рекомендую лангусты – наисвежайшие, сегодня утром на льду доставили. Само собой, отменные раки по-бордоски, ваши любимые. Суп «Пьер ля Гран» оставили в меню после академических обедов...

Маршал остановил словоохотливого служителя:

– Ты вот что. Принеси нам бутылку «Поммери». И сельтерской. Даме «Сюпрен де войяльс» и шарлотку «Помпадур», а мне котлеты по-царски. И закуску поставь каких-нибудь. Лангустов своих давай.

Официант, удивленный непривычной напряженностью в голосе постоянного клиента, на мгновение приподнял бровь, внимательно посмотрел на Зину и нерешительно протянул:

– А не желают ли все-таки господа переменить столик? В зале скоро оркестр румынский заиграет, новая программа, очень чувствительная, романтик.

От «романтика» шея Константина Павловича густо покраснела, он закашлялся и буркнул:

– Спасибо, не надо оркестра.

Зина же, напротив, смущенной уже не выглядела и за терзаниями своего спутника наблюдала, с трудом удерживая уголки губ от улыбки.

Стол довольно быстро покрылся блюдами и тарелками, хлопнуло шампанское, зашипело в бокалах. Константин Павлович жадно осушил стакан ледяной воды, скомкал накрахмаленную салфетку. Утренняя решимость его не покинула, но из головы напрочь вымело все заготовленные слова. В поисках поддержки он обшаривал глазами ресторанный дворик, увидел, как у декоративного прудика сизый голубь топчется вокруг белорудой подруги, и еле сдержал готового сорваться с губ «черта». Однако тянуть дальше уже было просто неприлично. Маршал приподнял бокал с вином:

– Зина... Зинаида Ильинична... Я хочу выпить за тебя... За вас...

Зина лукаво прищурила густые ресницы:

– Константин Павлович, стоило ли ради такого красноречивого тоста заманивать меня в это роскошное место?

– Что? Да нет, конечно, не ради тоста. – Маршал опять покраснел. – Ты что, издеваешься надо мной?

– Продолжайте, Константин Павлович, я больше не стану вас перебивать. Вы и сами собьетесь, – все-таки прыснула в платок Зина.

– Верно, – сконфуженно улыбнулся молодой человек. – Собыюсь. И думаю, что не раз. – Он пригубил из бокала. – Зина. Ты стала мне очень близка в последнее время. То есть я не про... Черт. Хоть на французский переходи, так неуклюже и пошло все это звучит на родном наречии. Зина! Так дальше продолжаться не может! Мы должны пожениться. Можем даже повенчаться, хоть я и не верующий. В конце концов, это мой долг как порядочного мужчины!

Зина уже не улыбалась. Она внимательно разглядывала сидящего напротив мужчину, как будто пытаясь высмотреть что-то новое, чего доселе не замечала, а уголки губ опустились книзу.

– Должны? – наконец произнесла она почти шепотом. – Маршал понял, что сказал что-то не то, открыл было рот, не зная еще, что будет говорить, но снова заговорила Зина: – Ну конечно, вы же человек долга.

– Это плохо? – нахмурился Константин Павлович.

– Это замечательно. – На ресницах заблестели слезинки, но так и не сорвались на порозовевшие щеки. – Только не нужно нам с вами жениться. Я вас от вашего долга освобождаю. Прощайте!

Зина встала и быстро пошла к выходу. Некоторое время Маршал оторопело смотрел на удаляющуюся спину. Оцепенение спало, когда девушка исчезла в арке. Он быстро отсчитал несколько билетов, бросил на скатерть и, выбежав на набережную Мойки, завертел головой. Знакомый силуэт стремительно удалялся в сторону проспекта.

– Зина! – не думая о том, как все это выглядит со стороны, заорал во весь голос Маршал и бросился догонять беглянку. – Зина!

Девушка услышала, но лишь ускорила шаг. Прохожие забеспокоились, слышались комментарии:

– Должно, кошелек утащила.

– Да хватит вам, приличная дама!

– Знаем мы этих приличных.

Нагнав Зину уже у самых трамвайных путей, Константин Павлович схватил девушку за локоть, развернул и прижал к себе. Накрахмаленная сорочка тут же намочила – Зина рыдала. Он взял ее за плечи, попытался заглянуть в лицо, но она, не поднимая головы, заколотила его кулачками в грудь.

– Зина. – Удар, второй.

– Зина! – Он встряхнул ее за плечи.

– Да погоди ты! – Еще удар.

– Я люблю тебя!

Кулак замер на полпути, Зина наконец-то подняла голову, и Константин Павлович разжал руки.

– Сударь! Оставьте даму!

Кто-то развернул Маршала за плечо и сильно толкнул в грудь. От неожиданности Константин Павлович чуть было не потерял равновесие, нелепо взмахнул длинными руками, но все же сумел сохранить вертикальное положение. Перед ним стоял незнакомый молодой человек, высокий, лет двадцати двух – двадцати пяти, в светлом костюме и без головного убора. Последнее, впрочем, быстро разрешилось – незнакомец наклонился и поднял с тротуара упавшую шляпу, отряхнул ее от пыли и водрузил на густую шевелюру. После чего шагнул мимо смешавшегося Маршала:

– Зинаида Ильинична, у вас все в порядке? Кто этот грубиян и что ему от вас нужно?

– Этот грубиян – ее жених!

Незнакомец даже не обернулся на реплику, достал платок, протянул Зине:

– Это правда, Зинаида Ильинична? Я вам помешал?

Зина вытерла слезы, посмотрела на ничего не понимающего Маршала, вернула платок:

– Здравствуйте, Николай Владимирович. У Константина Павловича очень оригинальный способ делать предложение. Господин Нейман, проводите меня, пожалуйста.

Она еще раз посмотрела на Маршала, отчего-то хмурия лоб, взяла своего нечаянного спасителя под руку, и они направились к подкатившему трамваю.

* * *

Зина и ее провожатый сошли с трамвая за Аничковым мостом и теперь молча шли по Литейному. Оставили позади Мариинскую больницу, прошли Бассейную, так и не обменявшись ни словом. Молодой человек несколько раз порывался начать разговор, но по растерянному-отстраненному выражению лица Зины было ясно, что она ведет с собой какой-то внутренний диалог. Временами она то замедляла шаг, то беззвучно шевелила губами, то, наоборот, упрямо закусывала нижнюю и решительно выпячивала подбородок. Из этого сомнамбулического состояния ее вывел лишь звон со стороны Спасо-Преображенской церкви.

Она резко остановилась, удивленно поводила по сторонам головой, задержала взгляд на спутнике, будто пытаясь сообразить, кто перед ней и что она сама здесь делает.

– Николай Владимирович? Простите бога ради, я со своими мыслями вас отвлекла и завела бог знает куда. Вы извините меня за то, что вы стали свидетелем этой сцены.

Юноша галантно коснулся пальцами шляпы, будто приподнимая ее:

– Полно вам, Зинаида Ильинична, мне в радость оказаться вам полезным. Далеко нам еще? Я ведь вызвался проводить вас до дому, так уж позвольте свершить рыцарский обет.

Зина улыбнулась:

– Не стоит, Николай Владимирович. Мы еще не так близки, чтобы позволять вам меня эскортировать до замка дракона. Расстанемся здесь. Спасибо и прощайте.

Бритые щеки Неймана моментально залились румянцем:

– Вы сказали «еще»? Значит, я смею надеяться?

Но Зина уже не слушала, она опять что-то обдумывала, глядя на тяжелое византийское пятикуполье собора.

– Надежду никогда не следует предавать, – словно бы для себя произнесла она и решительно повернула с проспекта на Пантелеймонскую.

Оставленный же ею спутник растеряннo замер. Потом было дернулся следом, сделал несколько неуверенных шагов, но снова остановился, завертел головой, будто бы ища советчика более мудрого и опытного, сдернул шляпу, взъерошил пятерней волосы, да так и застыл со счастливой улыбкой, глядя на удаляющуюся стройную фигуру.

Глава 5. Катя

По Питеру легкой, звенящей походкой бежал теплый летний дождик. Он падал с почти чистого неба, создавая на мокрых тротуарах множественные радуги, искрясь и рассыпаясь миллиардами хрустальных осколков в лучах удивленного солнца, опускал поля шляп и стремился попасть за шиворот незадачливым прохожим, поверившим обманчивой столичной погоде и оставившим дома зонты. Люди на улицах либо жались под редкими козырьками парадных, либо ускоряли шаг, почти бегом укрываясь в лавках и ресторациях. Некоторые особенно храбрые мужчины поднимали над головами утренние газеты, но ненадежный бумажный заслон быстро терял свои оборонительные свойства, и смельчаки либо пытались втиснуться в караульные будки парадных, либо радовали лавочников и хозяев гастрономических заведений своим незапланированным визитом.

Зина же взидала на эту людскую суету со снисходительной улыбкой, укрывшись под поднятым кожаным верхом экипажа. Она очень любила такие сюрпризы природы вроде грибного солнечного дождика или неожиданной февральской оттепели. Однако на подъезде к Ямскому рынку настроение ее немного ухудшилось – из-за дождя перед входом выстроилась целая очередь из извозчиков. Впереди кто-то яростно ругался. Возница слез с козел, заткнул за голенище кнут и направился на звук перебранки. Вернулся он почти сразу же и доложил:

– Извиняйте, барышня, но дальше никак – два охламона прям насупротив входу осями сцепились, подъехать совсем невозможно.

Зина осторожно высунула носик из-под навеса и тут же юркнула обратно – она тоже вышла из дому без зонта, а дождь совсем не собирался останавливаться, никак не могло справиться с ним северное балтийское солнце. Приготовившись к холодному душу, Зина обреченно шагнула с подножки на мостовую, но, не почувствовав мокрых объятий, удивленно задрала голову. Над ней черным куполом заслонял небо большой зонт. Зина обернулась, увидела мужскую руку в серой замшевой перчатке, а после и лицо ее обладателя.

– Не считите за дерзость, но позвольте предложить вам помощь в виде зонта и моего общества, – приятным тенором произнес молодой человек. – Вы ведь на рынок, Зинаида Ильинична?

– Спасибо. – Зина благодарно наклонила голову, обхватила предложенную руку и лукаво стрельнула из-под шляпки глазами. – Николай Владимирович, я решу, что вы меня преследуете.

Нейман премило залился краской, из чего Зина сделала вывод, что стрела, пущенная наугад, попала точнехонько в яблочко. Зинаида Ильинична не считала себя девушкой ветреной, к тому же свободного места в ее сердце уже не было – там прочно, по-хозяйски обосновался один светлоголовый полицейский офицер с красивой бронзовой бородой, хоть и пребывающий сейчас в воспитательной опале. Но внимание молодого мужчины все-таки ей польстило.

Они молча прошли мимо бранящихся извозчиков и нырнули в галерею. Здесь так и не сказавший за всю дорогу ни слова Николай Владимирович быстро попрощался, снова при этом покраснев, и вышел под дождь.

Зина же привычным маршрутом с прижатым к лицу платочком дошла до знакомого мясника, приняла и заказанное, и обычное «на пробу» – опала опалой, но после воспитательной паузы Зина все-таки решила хотя бы продолжать кормить своего работодателя. Уже прощаясь, она, как всегда, сделала книксен, а когда подняла голову, замерла в изумлении, даже опустив руку с платком, – смущенно улыбаясь в бороду, Тихон протягивал ей зажатый в громадном кулачище пучок ярко-синих незабудок. Только теперь Зина обратила внимание, что бурая

борода мясника сегодня расчесана и даже как будто чем-то смазана, а волосы разделил ровный пробор.

– Вот, – пробубнил басом Тихон, продолжая улыбаться, – растут тут на задуге, во дворе. Красивые.

Не решив еще, радоваться или сетовать на судьбу за очередного поклонника, Зина взяла букетик, еще раз поклонилась и пошла к выходу.

* * *

– Левина! Зина!

Зина обернулась на оклик и удивленно заморгала.

– Катя!

Из-под широкополой синей шляпы на Зину весело, но при этом, казалось, смущенно смотрели знакомые с гимназических времен ярко-зеленые глаза Кати Герус, самой бойкой девочки на всем их курсе.

– Тебя каким ветром к нам занесло? – Катя обвела бумажным веером Знаменскую площадь.

– Я с рынка. А ты в церкви была?

– Конечно, – прыснула Катерина. – Где ж еще!

Она взяла Зину под локоть и направила вверх по проспекту.

– Ну рассказывай, где ты, чем занимаешься? Замужем? Или нет, подожди, давай где-нибудь сядем, слопаем по пирожному. Точно! Пойдем-ка к «Пассажу», там в «Квисисане» вполне себе прилично и цены не дерут!

По поводу цен у Зины возражений не возникло, но вот репутация у нового ресторана была, мягко говоря, не очень.

Увидев смятение на лице подруги, Катя снова расхохоталась и потянула Зину за руку:

– Идем! Вертеп там начинается за пару часов до полуночи, а днем все вполне себе комильфо! – И опять залилась ямскими² колокольчиками.

Весело щебеча, они направились в сторону Фонтанки по затененной стороне Невского. Улыбнулись суровому городовому на Аничковом мосту, отчего тот начал вдруг подкручивать знатные усы – видно, прятал ответную неуставную улыбку, полюбовались собственным отражением в богатых витринах Елисеевского гастронома и, слегка раздумываясь от ходьбы в гору, наконец-то скрылись за стеклянными дверями ресторана.

Вернее, сам ресторан по дневному времени еще не работал, из трех занимаемых этажей открыта была только буфетная на первом. Девушки уселись в огороженную кабинку, заказали кофе, сливок и пирожных и принялись, как это водится у молодых и очень хороших барышень, болтать обо всем на свете, поминутно меняя темы и время от времени звонко смеясь. Благо, что по раннему по ресторанным меркам часу посетителей не было, пенять на их поведение было некому, и лишь у буфета сидел молодой человек довольно богемного вида с болезненно-бледным, почти белым, лицом. Он время от времени требовал новую рюмку перцовой настойки, осушал ее одним глотком и сочно хрустел солеными рыжиками, стоящими прямо на буфетной стойке. С каждой порцией огненного напитка в лицо его возвращалась краска, а глаза все больше блестели от просыпающейся в них жизни.

Вдоволь наговорившись о своих гимназических буднях, прежних подружках, учителях и отсмеявшись былым курьезам и проказам, перешли к обсуждению дел нынешних.

– Катя, ну что, ты где сейчас? Чем живешь? Как мама?

Катя легонько стукнула подругу по руке веером:

---

² Ямской (устар.) – связанный с Ямским приказом, службой доставки пассажиров и грузов.

– После про меня. Сперва ты хвались.

– Так у меня все довольно просто: служу горничной в доме на Мойке у одного хорошего человека, офицера...

– Служишь? Ты? А как же Смольный?

– Вот так. Папа неудачно вложил капитал, лишился почти всего. Хотели выдать меня замуж, но я взбунтовалась. Сперва нанялась в гувернантки к Долматовым, из дома съехала, но... Не сработалась. Младший Долматов... В общем...

– Ладно, не рассказывай. Все понятно.

– Да нет, все не так. То есть не совсем так. Он сначала смотрел, бесстыдно так. Потом начал подкарауливать. А когда я ему пощечину влепила, он папеньке пожаловался, что я у него «Брежет» украла.

– Зря отказала. У них денег что листьев по осени в Юсуповском саду. Жениться бы не стал, но обеспечил бы до старости. Выгнали?

– Я сама ушла. Только сперва в полицию заявила.

– На Долматова? И что ж полиция? Неужто тебе поверила больше?

– Поверила. Вернее, поверил. Один. Он за день часы у ростовщика нашел и Долматову-старшему предъявил. А потом сказал, что ищет горничную.

Зина улыбнулась, опустила глаза. Катя с трудом сдержала ответную улыбку, покачала головой:

– Из гувернанток в горничные. И что новый работодатель? Рыцарь? Молод, хорош собой, честен и благороден, неприличных предложений спасенной девице не делал? Или она ему? – Зина покраснела, а Катя снова расхохоталась. – Ай ты скромница! Женат?

– Нет, – тихо пробормотала Зина.

– Так чего ж ты теряешься? Раз на Мойке квартирует, стало быть, не бедствует. Смотри, упустишь – наплачешься потом. Близок будет локоток, да зубок короток. А женишь его на себе – и сама будешь горничных нанимать. Только таких хорошеньких не бери, – снова залилась смехом Катерина. Бедная Зина уже и не рада была встрече. Катя как будто прочла ее мысли, только, вложенные в Катины уста, звучали они как-то нехорошо и даже пошло. – Как звать-то хозяйина?

– Кос... – начала было Зина, но тут же осеклась и поправилась: – Константин Павлович.

Катя серьезно, прищурившись, посмотрела на подругу детства и вдруг снова показала белые и ровные зубы, растянув губы в улыбке.

– Ах вот как... Значит, Костя... – протянула она, весело глядя на Зину, и довольно кивнула. – Вижу, учить-то тебя не надо. А ведь какой скромницей была.

– Перестань, пожалуйста, – уже со слезами в голосе попросила Зина, не решаясь поднять глаза, боясь, что проницательная Катя прочтет в них еще что-нибудь сокровенное. Но та и сама уже поняла, что перегнула палку, и погладила дрожащую руку подруги.

– Прости. Просто хочется, чтоб у тебя все лучше в жизни вышло, чем... Чем это бывает.

Зина промокнула глаза и благодарно улыбнулась:

– Теперь ты. Рассказывай. Про маму, про себя, все-все.

Катя достала из сумочки коробочку с пахитосками, вложила одну в белый костяной мундштук, дождалась от официанта огня, сделала глубокую затяжку и выдохнула белое ароматное облачко в сторону Зины. Та рассмеялась, разгоняя ладошкой дым, на несколько мгновений скрывший от нее лицо собеседницы. А когда пелена рассеялась, на нее смотрела уже не Катя Герус, двадцатилетняя красавица и хохотунья, а взрослая женщина с грустными и усталыми глазами. Зину так поразила эта мгновенная метаморфоза, что она, забывшись, так и замерла с поднятой рукой. Катя молча курила, время от времени смахивая отгоревший столбик табака в синюю фарфоровую пепельницу, щурилась и глядела на Зину, будто решая, стоит ли про-

должать беседу. Наконец, докурив, она нерешительно постучала уже пустым мундштуком по жестянке с пахитосками, коротко кашлянула в кулачок и хрипло выдавила:

– Мама умерла... В первое же лето после гимназии... Туберкулез. – На глазах Зины снова заблестели слезы. Катя бросила мундштук на стол, решительно сцепила в замок руки и продолжила: – И я осталась одна с... отчимом... Человек!

Рядом мгновенно возник официант.

– Рюмку можжевеловой!

Розовеющий – вернее, уже почти пунцовый – молодой человек у стойки заинтересованно посмотрел в их сторону, не донеся до рта вилку с очередной грибной шляпкой.

Лихо опрокинув в себя рюмку, Катерина на миг задержала дыхание, закрыв глаза и приложив к груди руку, но тут же продолжила:

– Кстати, знаешь, почему ресторан так называется – «Квисисана»? По-итальянски «qui si sana» значит «здесь здорово». Видишь, – она кивнула в сторону буфета, – сидит, здоровье поправляет.

– Ты что, итальянский выучила?

– С моей профессией на каких только наречиях не научишься, – хмуро хмыкнула Катя, снова закурила и продолжила: – Поначалу-то он сама любезность был... Вместе со мной по маме слезы лил, у кровати моей сидел, по плечу гладил, чтоб успокоилась и уснула... А потом начал не только по плечу гладить... – Она поменяла пахитоску, официант опять угодливо чиркнул спичкой. – А потом как-то вечером, месяца еще не прошло после похорон, пришел ко мне в спальню, запер дверь... Я как одеревенела... Даже не оцарапала его ни разу... Просто слезы лились по щекам, и все плыло перед глазами... То ли из-за слез, то ли разум какой-то барьер пытался поставить... Он попытлел-попытлел... Потом что-то говорил про то, как заживем, как в Париж уедем, где нас никто не знает... А я лежала и думала: «Вот он уйдет, а я плафон от керосинки разобью и полосну себя по горлу»...

Катя в очередной раз снарядила мундштук.

– Только шаги его стихли, я схватилась за лампу... А она же раскаленная... Видишь, до сих пор отметина, – протянула она Зине повернутую кверху правую руку со следами давно заживших волдырей на ладони. – И я как пробудилась... Сначала выла долго, громко... Ору, а сама думаю – чего слуги не беспокоятся, не прибежал еще никто... Потом уже узнала, что он всех в ту ночь отпустил... А как слезы закончились и в горле только сип остался, так и решила, что не буду я руки на себя накладывать... Больно вольно для него – в нашем доме барином одному жить... Недельку готовилась: вещи собирала, деньги потихоньку у него из стола таскала, к аптекарю наведальась... Его каждую ночь терпела, он, скотина, ни разу не пропустил... В последнюю ночь подлила ему сонных капель в херес... Правда, прежде чем они подействовали, пришлось еще раз губы покусать... А когда он захрапел у себя, выгребла все, что за неделю не стащила, запалила дом с четырех углов теми самыми лампами, одна из которых меня от греха смертного уберегла, и ушла с узелком и со шкатулкой с мамиными подарками.

Зина ахнула и испуганно прикрыла рот:

– Сгорел?!

Катя с досадой раздавила очередной окурок о синий фарфор.

– Вытащили слуги... Ни разу потом даже мимо пепелища не прошла. Только в газете после прочла, что выгорело все, до углей. Дом был старинный, деревянный, только оштукатуренный поверх. Про меня написали, что не нашли тело, мол, судя по всему, сгинула без следа. А еще что разорил пожар вчистую моего... благодетеля. Он как раз в день пожара из банка все облигации забрал и залог за дом. Дом наш заложил, подлец. Видать, правда к Парижу готовился. Не знала я про залог-то, видно, где-то еще схоронил деньги. Зато получил вместо Елисейских Полей ночлежку на Лиговке. Я видела его потом раз, пьяного и оборванного... Надеюсь, подох где-нибудь под забором...

Громко икнул в повисшей тишине поправляющий у буфета пошатнувшееся от ночного загула здоровье господин, буркнул «пардон» и снова ткнул вилкой в блюдо с грибами. Официант услужливо заменил пепельницу, профессионально не обращая внимания на катящиеся градом по лицу Зины слезы. А та хлюпала носом, судорожно сглатывала и поминутно терла белым платочком опухшие и покрасневшие глаза.

– Ну хватит, не реви, – немного вымученно улыбнулась Катерина, вытащила из Зининых рук платок, заботливо, как ребенку, вытерла глаза, щеки и хлюпающий нос.

Зина последний раз всхлипнула, глотнула остывший кофе и робко спросила:

– И как же ты теперь?

– Замечательно, – гордо вскинула голову Катя, перо на шляпе сделало элегантное «па». – Сначала проживала деньги, что утащила в ту ночь, почти на полгода растянула. Потом наряды. Потом чуть было до шкатулки не добралась. Там не очень и большое богатство было: пара сережек, колечки, брошечки – девичья радость. Продала бы – на пару месяцев еще хватило бы. Но удержалась, сберегла мамину память. Пару дней голодала. Пошла было христарадничать – еле ноги унесла от церкви. Там ведь вроде все калеки, но чуть не прибили костылями своими. Человек! Еще можжевеловой! И бутерброд с сыром!

Выпила и жадно впилась в белый хлеб с ноздреватым сливочно-желтым куском сыра, судорожно проглотила, запила сельтерской.

– Потом и с квартиры меня попросили. Хозяйкин сынок слюнявый все лез с ухаживаниями, предлагал, как он сам говорил, «альте’натив», француз недоделанный. Дура была, надо было соглашаться. А тогда шла по Надеждинской³, слезы глотала. Март, холодина, снег лепит, и никакой на этой Надеждинской улице надежды. На Невский вышла и стою, как дура, кулаком глаза тру. Куда, думаю, дальше, направо или налево. Направо – с моста в полынью броситься, налево – на Николаевском вокзале на рельсы лечь. Пошла налево – воды я с детства до жути боялась. А тут поезда... Прямо Анна Каренина... Вот только до вокзала я не дошла – упала прямо на углу. Очнулась в какой-то комнатухе, на полу, в углу за занавеской. Но подушка подложена, одеялом укрыта. Голову подняла – за занавеской кто-то возится. Ну как возится – постельную нужду справляет. Не красней, Зина, чего уж там, не гимназистки мы уже с тобой. Хотя я, бывает, гимназическое платье надеваю, есть у меня один... любитель.

Зина все-таки залилась в очередной раз краской и вдобавок округлила глаза, пораженная ужасной догадкой:

– Так ты...

Только теперь Зина заметила, что перо на шляпе у Кати совсем не дорогое страусиное, под платьем модного кроя явно нет корсета, а на губах слишком яркая для середины дня помада.

– Да! – с вызовом ответила Катя. – Да, я продаю то, что порядочные девушки вроде тебя отдают даром! А замужние продают много дороже! Только я сама назначаю цену и сама решаю, когда и с кем!

– Ой, Катя. – Зина прикусила платок и посмотрела на Катерину с такой жалостью, что та хлопнула со всей силы ладонью по столу.

– Хватит! Не надо меня жалеть! Себя пожалей! Бросит тебя твой хороший человек и офицер, и пойдешь вместе со мной улицу утешить! Порченных замуж не зовут, уж я-то знаю! Так что вот тебе совет – жени его на себе непременно. Или ребенка ему сделай – не женится, так хоть денег будет давать на чадушко свое.

Зина снова ойкнула, непроизвольно схватившись за живот, как бы защищаясь от злых Катерининых слов.

---

³ Ныне улица Маяковского.

– Не ойкай, а слушай лучше, что тебе люди говорят. А меня не суди. И не жалея. Бог даст, свидимся еще!

Катя бросила на стол деньги и не очень твердой походкой направилась к буфету. Облокотившись о стойку, протянула руку с мундштуком к уже довольно нетрезвому представителю богемы, выпустила тому в лицо струйку дыма и хрипло рассмеялась. Молодой человек совсем не возмутился, а, напротив, решительно обнял дерзкую красотку за талию, притянул к себе и что-то начал нашептывать ей прямо в ухо, почти касаясь кожи аккуратными черными усиками. Катя снова откинула голову, смеясь, шлепнула кавалера легонько по лбу, нахлобучила на его густую черную гриву лежащую тут же на стойке шляпу и что-то шепнула ему в ответ. Минуту спустя они вышли из заведения. Проходя мимо столика, за которым она только что сидела, Катя даже не посмотрела в сторону ошеломленной подруги. Тренькнул дверной колокольчик, пара вышла на Невский, села в экипаж, и спустя мгновение он скрылся за поворотом. Но она еще долго сидела, теребя в руках мокрый платок и продолжая смотреть сквозь стеклянные двери на то место, где совсем недавно яркий свет летнего дня обнимал тонкий девичий силуэт.

Глава 6. Гатчинский след

Константин Павлович раздраженно размял в пепельнице папиросу и запустил руку в волосы, разрушив так тщательно наводимый час назад перед зеркалом пробор. На столе лежала раскрытая папка с допросами числящихся за Рождественской частью «желтобилетниц». Ничего примечательного в этих исписанных листках не содержалось, они были уже многократно перечитаны, и Маршал лишь надеялся таким образом отвлечься от мыслей о вчерашнем фиаско в «Дононе». Но сквозь чернильные строки то и дело проступали задумчивые и грустные глаза Зины.

Константин Павлович встал, снова закурил, отворил окно. Удивляться тому, что Зина не пришла вечером, было бы глупо. Ясно, что он ее обидел. Но и проснувшись, Маршал обнаружил, что он в квартире один. Завтракать было нечем, и на службу Константин Павлович пришел почти на час раньше обыкновенного. И вот теперь от курения натошак во рту была неприятная горечь, а воображение с готовностью нарисовало образ высокого молодого брюнета, так некстати вчера помешавшего им закончить объяснения.

Тряхнув головой, отгоняя неприятные мысли, он вернулся к столу, взял лежащий отдельно от основной стопки листок с перечнем девиц. Красным карандашом были отчеркнуты те, коих допросить не удалось ввиду их отсутствия в столице. Таких было всего две: Анастасия Карлова и Ольга Берштейн, и обе были объявлены в розыск. По словам «коллег», за несколько недель до убийства Блюментрост обе собирались домой – Карлова в Гатчину, а Берштейн на Псковщину. Опять же из показаний следовало, что должны бы они уже и вернуться. Запросы по адресам были отправлены как раз накануне праздника, а вчерашний день Константин Павлович пропустил.

Потушив очередной окурок, он снял со спинки стула пиджак. Телеграфист сидел на первом этаже. Проходя мимо кабинета Филиппова, Константин Павлович на всякий случай подергал ручку. Заперто. Закрыт оказался и кабинет с телеграфным аппаратом, пришлось идти за дежурным.

Зато открыв папку с вечерними сообщениями, Маршал моментально забыл и о высоком брюнете, и о бурчащем животе – на оба запроса были получены ответы. Обоих барышень нашли, обеих опросили. Телеграмма из Псковской губернии была короткой и лаконичной: Берштейн обнаружена, по интересующему столичный сыск делу показать ничего не может. А вот Гатчина докладывала весьма интригующе: «Прост. А. Карлова задержана. Напугана. Имеет сведения, представляющие интерес».

– Есть что-то, стоящее внимания? – Маршал от неожиданности вздрогнул. На пороге стоял Филиппов. – Я вчера после обеда опять в высокие кабинеты ездил, не видел вечерней корреспонденции, – пояснил Владимир Гаврилович.

Константин Павлович молча протянул листок с гатчинской телеграммой. Филиппов прищурился, вчитываясь.

– Что ж, – поднял он глаза на помощника. – Вызывайте мотор, едем успокаивать госпожу Карлову. А я предупрежу коллег о нашем визите.

* * *

Дорога до Гатчинского полицейского управления прошла в тишине, если можно назвать тишиной почти двухчасовой клекот двигателя. Константин Павлович не был расположен к беседе, а Владимир Гаврилович научился чувствовать настроение своего товарища и с расспросами не приставал.

Наконец автомобиль свернул с Павловского проспекта к собору, нырнул на Михайловскую и замер у двухэтажного приметного здания с каланчой, пропустив перед собой облачко дорожной пыли. Коллеги откинули дверцы и с удовольствием спустились на мостовую – Константин Павлович даже не сдержался и присел, разминая затекшие после долгой езды ноги, отчего у стоявшего у дверей управления городского недоуменно дернулась бровь.

Столичные гости вошли внутрь, представились дежурному и были проведены к начальнику управления. Им навстречу вышел из-за стола невысокий господин в пенсне, с расчесанной надвое густой угольной бородой – Петр Ильич Кокорев, хозяин кабинета.

– Владимир Гаврилович, Константин Павлович, ожидаем вас, как же, – пожимая поочередно руки гостям, несколько торопливо, будто конфузясь, произнес Кокорев.

– Петр Ильич, – начал Филиппов, усевшись в кресло для посетителей, – мы вас надолго не отвлечем, нам бы повидаться с девицей Карловой.

– Ну разумеется, коллеги. Как только вы протелефонировали, я тут же отправил за ней.

Кокорев щелкнул крышкой серебряного портсигара с монограммой, протянул его столичным сыщикам, сам закурил.

– Но вот ведь какой фокус вышел. – Кокорев смущенно крикнул, закашлялся, подавившись дымом, застучал графином с водой о стакан. Гости молча наблюдали за этими терзаниями. – Не оказалось Карловой дома. Я тут же соединился с вашей частью, но вы уже убыли.

– И куда же она делась? – Филиппов ткнул папиросой в пепельницу, обернулся на Маршала.

– Мать сказала, что та еще вечером спешно собрала дочь – у Карловой нагулянная малолетняя дочь, жила у бабки, пока мать промышляла в столице, – и ушла. Куда – не известно.

Молчавший до сей поры Маршал раздраженно хлопнул ладонью по столу:

– Так какого же черта вы ее не задержали вчера?!

Кокорев запунцовел, судорожно стащил с носа пенсне и начал яростно протирать и без того чистые стекла.

– Вы вот что, господа, – видно было, что он с трудом подбирает слова, – вы там у себя в столице, может, и умеете людей безо всяких оснований в камеру запирать, а мы тут, знаете ли, не привыкли к подобному ведению дел. У нас место спокойное, не ваш содом. Гражданские права привыкли уважать, невзирая на профессии и регалии.

Он водрузил обратно оправу на переносицу и гордо блеснул стеклышками, выставив вперед свою ухоженную бороду.

– Константин Павлович! – укоризненно покачал головой Филиппов, глядя на помощника. – Простите, Петр Ильич, просто дело и впрямь нервное, на контроле у градоначальника. Что Карлова вчера рассказывала? Вы телеграфировали, что у нее есть сведения по нашему делу?

– Да. – Кокорев раскрыл лежавшую на сукне бумажную папку. – Анастасия Степановна Карлова, 27 лет, русская, вероисповедания православного, вчера показала, что в середине мая один из клиентов пытался на нее напасть с ножом. Вот, прочтите сами. – Он протянул Филиппову несколько листов.

Тот принял через стол бумаги, начал читать вслух, время от времени поднимая взгляд на помощника:

– Записано со слов А. С. Карловой дознавателем Афанасьевым С. А.: «В мае месяце, аккуратно перед Вознесением, позвал меня господин один. Повел с площади в сторону по Калашниковскому, сказал, что у него там комната имеется. Да только как склады пошли, я что-то засомневалась, откуда там комнате-то взяться? Спросила, куда ж он меня ведет, что я под забором не согласная. Он меня за руку ухватил и тянуть начал, а сам второй рукой что-то из кармана тащит. И приговаривает так: «Дура, радости своей не понимаешь, я тебе такое добро сделаю, что всю жизнь улыбаться станешь, не заплачешь больше ни разу». Я, понятное дело,

орать начала, а он все тащит. А людей-то нет, кому ору, не знаю, но ору. А он уж вторую руку выпростал, там ножик кривой, как у турок сабли на картинках, только меньше. Я напужалась – жуть, и, видно, Богоматерь мне сил дала, заступница. Двинула я ему что есть мочи, по коленке попала или еще куда, куда мужчинам-то больнее всего. Он охнул, руку мою бросил, тем и спаслась. Убежала, только на углу Херсонской раз оглянулась. Нету никого. Знать, сам испугался».

Дознаватель Афанасьев: «Что ж ты в полицию не заявила? Там же и часть рядом была твоя?»

Карлова: «Испугалась я. Да и что б я заявила? Чай, сама себе долю выбрала, чего уж жалиться».

Дознаватель Афанасьев: «Кому рассказывала о случившемся?»

Карлова: «А кому рассказывать-то? Чай, дружбу-то промеж себя особо никто среди барышень не водит, нет желания лишний раз поминать-то, чем на хлеб зарабатывать приходится».

Дознаватель Афанасьев: «Что после делала?»

Карлова: «А ничего. Собрала вещички, денег, что скопила, и домой уехала. Раз уберегла меня Божья Матерь, то не просто так это. Значит, знак то мне, что хватит собой торговать. Вот и отринула все это, дочь буду растить, грехи замаливать».

– Набожная особа, однако, – протянул задумчиво Маршал. Филиппов посмотрел на помощника, но, ничего не сказав, продолжил чтение:

– Так, где это? А, вот: «Дознаватель Афанасьев: «Описать того клиента сможешь?»

Карлова: «Так чего ж там описывать? Обыкновенный мужчина. Молоденький, но с бородой. Усов нет. Сутулый, как глагол. В пальто был по пятки, хоть уже и тепло было. В шляпе. Башмаки, должно, с набойками – цокал на всю улицу. Чего больше-то?»

Владимир Гаврилович перевернул листок, убедился, что на обратной стороне тоже ничего нет, и снова посмотрел на Маршала. Тот в задумчивости ерошил рыжеватую бороду.

– Похож на нашего клиента, – резюмировал Филиппов.

– Похож, – отозвался Константин Павлович, – и, судя по всему, имеется у нашего резателя и ритуал. Прав доктор насчет улыбки. Да и география, кажется, тоже вырисовывается – пока от Знаменской площади до Калашниковской набережной. Фотография или словесный портрет Карловой есть? – обернулся он к Кокореву.

Тот пожал плечами:

– Фотографировать мы ее не стали. А на словах? – Он наморщил лоб. – Субтильная барышня, из тех, что сейчас интеллигенция предпочитает. Грудь небольшая. Роста тоже невеликого, вершка три, не больше⁴. Волос длинный, темный. Глаза карие. Лицо чистое. Пожалуй, что и все. Единственно что еще, так это возраст. Ей двадцать семь, а выглядит как гимназистка, больше восемнадцати не дашь.

– А вот и предполагаемый портрет потенциальных жертв – эта Карлова по описанию сойдет за сестру убитой Блюментрост.

Владимир Гаврилович согласно кивнул на комментарий Маршала, повернулся к притихшему Кокореву:

– Вот что, Петр Ильич. Мы Карлову в розыск, само собой разумеется, объявим. Общеперский. А вас я попрошу очень настоятельно установить надзор за матерью барышни. Не верю я, чтоб та не знала, куда дочь с внучкой отправились. И незамедлительно обо всем телеграфируйте.

---

⁴ В дореволюционной России рост людей и крупных животных измеряли в вершках сверх двух аршин (аршин – 16 вершков, в вершке 4,445 см), т. е. рост Карловой всего около 155 см.

Глава 7. «Дунай» – это вам не «Англия»!

Зина еще раз придирчивым взглядом оглядела гостиную и прихожую, удовлетворенно кивнула, отметив идеальный порядок. Улыбнулась своему отражению в зеркале, поправила шляпку и уже потянулась рукой к зонтику, как в дверь бешено забарабанили.

– Зинаида Ильинична! Зинаида Ильинична! Вы дома? Откройте, это Отрепьев!

– Сейчас!

Зина повернула ключ. На лестничной клетке стоял тяжело дышащий письмоводитель из Казанской части Николай Антипович Отрепьев. Он нередко бывал в квартире Маршала по разным служебным надобностям, но обычно всегда аккуратный молодой человек сегодня предстал перед Зиной в довольно растрепанном виде: пробор нарушен, волосы на высоком лбу слиплись от пота и висели тонкими сосульками, борода всклокочена, а фуражку он держал в руке. Судя по виду, он взлетел бегом не только по лестнице, а преодолел в той же манере весь путь от службы до Мойки.

– Господи, хвала тебе, вы еще дома!

– Что стряслось, Николай Антипович? С Константином Павловичем что-то? – Зина схватилась за дверной косяк.

– Нет, слаба богу, с господином Маршалом все хорошо. Но они настоятельно просили вас их дождаться, не уходить. У нас там жуть очередная приключилась, опять барышню злодейски умертвили. Очень Константин Павлович обеспокоены, просят вас без них сегодня из дому не выходить. Вот, записку передали.

Зина развернула сложенный вчетверо листок, пробежала глазами по ровным, аккуратным строчкам.

«Зина! Это очень важно! Заклинаю, дожись меня. Я уважаю твое нежелание оставаться у меня и вечером провожу тебя до дома. Знаю, что ты очень смелая, и потому не ради себя, а ради моего спокойствия повторяю – дожись меня».

Тон записки в отличие от ровного почерка был непривычно эмоциональным. Обычно Константин Павлович волю чувствам не давал, потому Зина покорно сняла шляпку и повернулась к отдышавшемуся Отрепьеву.

– Николай Антипович, давайте я вас кофе угошу.

Тот снова сорвал с головы только что надетую фуражку:

– С удовольствием, Зинаида Ильинична, только лучше бы сперва воды, а после чаю. Я кофе не очень...

Зина направилась в комнату, а Отрепьев на короткое время задержался в прихожей – внимательно осмотрел себя в зеркале, тщательно восстановил с помощью гребешка порядок в куафюре – и только после этого прошел в гостиную. Николай Антипович пребывал еще в довольно юных годах и потому к внешности своей относился с повышенным вниманием, особенно находясь в обществе столь же молодых и приятных дам.

Пока Зина хлопотала с чашками, заваривала чай, раскладывала салфетки, Отрепьев молча и с достоинством восседал у большого стола, закинув ногу на ногу и сцепив руки в замок на колене. Справедливости ради стоит отметить, что пару раз он делал робкие попытки предложить свою помощь, но они были решительно пресечены Зиной. Однако как только она разлила душистый чай, а после достала из буфета и поставила на стол корзинку с утренними пирожками, Николай Антипович, утратив всякое стеснение, громко сглотнул, схватил пирожок и проглотил его в два укуса, практически не тратя время на такое глупое занятие, как пережевывание пищи.

– Простите покорно, Зинаида Ильинична, но ведь маковой росинки целый день во рту не было, – смущенно извинился юноша. – Как с самого утра в «Дунай» на убийство уехали, так и ни минутки не выдалось для удовлетворения естественных надобностей.

Зина улыбнулась было, глядя на поспешность письмоводителя, но на словах об убийстве снова нахмурила брови:

– Так что же у вас там произошло, Николай Антипович?

Отрепьев уже более степенно дожевал второй пирожок, отпил из чашки горячий чай, с сомнением посмотрел на ждущую ответа Зину. Казалось, он никак не может решить, стоит ли делиться с посторонним человеком служебной информацией. Потом, решив, что вряд ли Зинаиду Ильиничну можно отнести к людям вовсе уж посторонним, и проникшись благодарностью за угощение (а еще и потому, что очень уж хотелось ему хоть с кем-нибудь обсудить увиденное и услышанное этим хлопотливым днем), начал:

– Опять убийство, сударыня, и опять зверское, не русское какое-то. Уличную девушку умертвил какой-то изверг совершенно изуверским способом. – Зина подперла подбородок кулачком, приготовилась к долгому рассказу. – С утра позвонили нам из Рождественской части. Господин Иноверцев. Ну как нам, – слегка смутился Отрепьев. – Владимиру Гавриловичу, само собой. Я просто в кабинете у них был, распоряжение записывал. В гостинице «Дунай» на Лиговке найдена мертвой барышня. Господин Филиппов мне махнули – мол, следуй за мной, а сами к Константину Павловичу прошествовали. Я сначала подивился – ну убили и убили, Лиговка же, не Миллионная. Но выяснилось, что умертвили опять «желтобилетницу», и по всем признакам тот же душегуб, что и восемнадцатого числа другую девушку зарезал, ту, что из Невы вытащили на Калашниковой набережной. Ну да вам Константин Павлович про тот случай, должно быть, рассказывали?

Зина поспешно кивнула, хотя Маршал привычки делиться служебными историями не имел и про первое убийство она ничего не знала.

– Так вот. Вызвали два мотора, погрузились: в первый Владимир Гаврилович с Константином Павловичем и доктором, во втором пристав, фотограф и я. Ажитация такая, что про меня только на месте уж вспомнили, мне-то там быть не по чину. Но мне думается, что господин начальник даже обрадовались, что я под рукой оказался. «Смотрите, – говорит, – Отрепьев, не все ж вам с бумажками возиться». Хотя, скорее всего, просто Владимиру Гавриловичу очень уж не хотелось там самим быть, уж больно жуткий натюрморт мы в номере застали. Они-то как вошли, так сразу к окошку, створку отворили и не сходили с места, только распоряжения через платок давали. А мы с Константином Павловичем и доктором ничего, и покойницу осмотрели, и комнатку тоже. Пристав-то за столом сидел, писал, а мы, стало быть, расследование чинили.

Юноша приосанился, гордый тем, что оказался выдержаннее самого Филиппова, украдкой бросил взгляд на слушательницу – как она, оценила ли его смелость?

Зина оценила, для пущей убедительности даже охнула и руками развела.

– А дальше и рассказывать-то жутко, Зинаида Ильинична. Я человек хоть и не робкий, а и то не думаю, что усну нынче, а вам-то и вовсе незачем страсти эти знать, – предупредил Николай Антипович, но тут же все и выложил, в самых ярких красках: – Все тело истыкано, вся постель в крови, лицо покровсал, ирод, да так, что рот раскроил от уха до уха. Но самое жуткое – это доктор сказал – все это он над живой вытворял, изувер, всю ножиком исколол. А потом удушил подушкой.

Молодой человек замолчал, наблюдая за реакцией, которую произвел его рассказ. Эффект был вполне удовлетворительный – Зина сидела, прикрыв рукой округлившийся от ужаса ротик и широко распахнув глаза, забывая даже моргать, а по щекам ее двумя дорожками ползли слезы. Отрепьев галантно предложил даме белоснежный платок, та благодарно кивнула, вытерла глаза и спросила:

– А что же гостиничные служащие-то? Неужто не слышали ничего?

– Ох, Зинаида Ильинична, так то «Дунай», а не «Англия». Там же гостиница – название одно. Дешевые номера, какие можно хоть на час снять. Истинный вертеп, к крикам там все коридорные привычные. Да и не станет никто на Лиговке на крики-то прибегать, скорее в другую сторону припустят. Но странно не это. И не просто странно, а даже страшно.

– Чего уж еще страшнее-то? – испуганно протянула Зина, опять прикрывая рот ладонью.

– Страшно то, что умертвил мадемуазель Герус убийца еще вечером, сразу по приходу в номер, а ушел из него, по показаниям того же коридорного, лишь под утро. Всю ночь на одной кровати с мертвым телом провел. Что с вами, Зинаида Ильинична?

Зина побледнела, глаза стали совершенно круглыми, рот судорожно хватал воздух.

– Как?.. Как вы ее назвали?..

– Кого?

– Девушку!

– Екатерина Герус... Да что случилось, Зинаи...

– Откуда вы узнали ее имя?! – Зина умоляюще сложила на груди руки в надежде, что сейчас услышит что-то, что вернет ей хоть самую малость, хоть толику, хоть крупинку веры в то, что это какая-то ошибка, что это не Катя.

– Так при ней бланк⁵ был, как положено. На имя Екатерины Алексеевны Герус, 1889 года рождения.

С глухим стоном Зина соскользнула со стула в спасительный обморок.

* * *

Сколько длилось блаженное забытие, Зина не знала. Но там было так хорошо. Они снова бежали с Катей по длинному коридору гимназии, весело смеясь, а вслед им грозила тонким указательным пальцем затянута в коричневое бархатное платье с глухим кружевным воротом их классная дама. «Воспитанным юным девицам не пристало бегать, будто сельским сорванцам!» Но минуто спустя и строгая матрона тоже смеялась вслед своим ученицам, а те, взявшись крепко за руки, неслись навстречу ласковому весеннему солнцу, которое пыталось пролезть в распахнутые двери крыльца. Там, на улице, звенела капель, и они с наслаждением подставляли юные, разгоряченные от бега лица под ледяные капли и теплый ветер, уже пропитанный солнечным светом и запахом оттаивающей земли.

* * *

Вновь открыв глаза, Зина увидела склонившихся над ней двух мужчин. Маршал протирает ей влажным платком лицо, а Отрепьев обмахивал Зину ее же веером и бормотал, оправдываясь и проглатывая от спешки окончания:

– Костантин Палыч, истинный крест, просто ведь рассказал, из-за чего вы Зинаиду Ильиничну дожидаться вас просили, а она вон как впечатлилась...

– Все хорошо, Николай Антипович, вы не виноваты, – слабым голосом пробормотала Зина, убирая от своего лица руку с платком. – Все уже в порядке, господа.

Усадив Зину на стул, Маршал проводил письмоводителя и вернулся в комнату. Девушка сидела, спрятав лицо в ладонях. Спина ее тряслась, и время от времени через плотно прижатый

---

⁵ В дореволюционной России официально работающие проститутки обязаны были регистрироваться в полиции. Вместо паспорта в этом случае им выдавались идентификационные документы двух видов. Девушкам, принимающим клиентов в борделях, полагался заменительный билет – книжечка желтого цвета, которую так и прозвали – «желтый билет», а его владельцу называли попросту «желтобилетницей». Те же, кто работал на улице, получали специальные бланки, и их и окрестили «бланковыми».

к лицу платок прорывались всхлипывания. Константин Павлович принес воды, но Зина лишь махнула рукой. Выплакавшись, она подняла мокрые глаза на Маршала:

– Костя... Вы же найдете его?

Тот пожал плечами:

– Ну конечно найдем. Постараемся. – Он погладил Зину по плечу. – Ну хватит, что ты? Вот уж не думал, что ты у меня такая впечатлительная.

– Ей... Ей было очень... больно? – Снова в уголках глаз у Зины заблестели капельки.

– Павел Евгеньевич, наш доктор, говорит, что она, вероятнее всего, потеряла сознание после нескольких ударов. А потом, когда пришла в себя, он ее и задушил... Ну Зина, да что ж такое?..

Уже совсем не стесняясь, Зина заревела в голос, совсем как в детстве, не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Ей было очень жалко Катю, себя, весь этот жестокий сумасшедший мир.

– Ведь только вчера, – сквозь рыдания выдавила она, – только вчера я с ней, с живой...

Маршал нахмурился:

– Зина. О чем ты? Что было вчера?

Девушка сделала над собой усилие, подавила очередной стон, хлюпнула носом, сглотнула:

– Катя Герус – мы с ней дружили в гимназии. Я вчера пила с ней кофе в «Квисисане».

Глава 8. Первый подозреваемый

Раскрытые по летнему времени окна всех трех этажей «Квисисаны» заливали светом Невский, будто насмехаясь над маломощными уличными фонарями. То и дело хлопали двери, впуская внутрь и выплескивая обратно на проспект шумные компании. Весело и пьяно хохотали девицы, напротив вывески поминутно останавливались пролетки, подвозя все новых гостей, будто и не третий час ночи стоял на дворе. Из окон второго этажа доносился приятный тенор – невидимый певец, явно и довольно удачно подражая манере Большакова⁶, старательно выводил:

Мимо палаццо мы дожей,
Мимо Пьяццетты колонн
Плыли с тобою... О, боже,
Что за чарующий сон!⁷

Константин Павлович отошел в тень афишной тумбы, достал из заднего кармана брюк маленький плоский револьвер, откинул барабан. Предосторожность, вероятнее всего, окажется излишней, но береженого, как говорится... Удостоверившись, что все гнезда заполнены, он сунул оружие сзади за пояс, поправил пиджак и направился к звенящим и слепящим вратам.

Внутри, как и ожидалось, было дымно, шумно и душно от смеси запахов разного табака, мужских и женских духов и других менее приятных ароматов. Пробившись к стойке, он жестом подманил рыжего буфетчика и проорал ему в ухо:

– Кто работал вчера утром?!

Тот в ответ отрицательно замотал головой, показывая на уши – мол, не слышу ничего, махнул рукой в сторону небольшой черной дверки справа от буфета и, повернувшись к Маршалу спиной, направился в указанном направлении. Константин Павлович, усиленно работая локтями, как мог, поспешил за ним. За дверью оказалась крохотная подсобка, почти до потолка заставленная пивными бочками и ящиками с вином. На одной из бочек уже ждал буфетчик.

– Чего изволите, господин полицейский?

Маршал удивленно приподнял брови, но отпираться не стал – чего зря время терять?

– Как звать?

– Санька Груздь. Груздев.

– Ты вчера за буфетом служил?

– Я.

– Утром сидел тут один черноволосый, поправлялся перцовкой с рыжиками. Ушел потом с девицей.

– Был такой господин, – с готовностью подтвердил буфетчик.

– Кто таков и откуда? Знаешь?

Санька пожал плечами:

– Называется Николаем Егорычем, а где живет, не знаю.

– Здесь часто бывает?

– Да почитай каждый день. Да и ночь, – хихикнул он. – Обычно заявляется часам к одиннадцати, до трех гуляет, а потом утром в десять уже за стойкой сидит, врачует себя.

---

⁶ Большаков Николай Аркадьевич (1874–1958) – артист оперы (лирико-драматический тенор), камерный певец. Дебютировал в 1899 в Петербурге. В 1901–1905 годах пел в опере Народного дома (Петербург), в 1906–1929 годах солист Мариинского театра.

⁷ Серенада «В Венеции» написана композитором Георгием Васильевичем Готом на стихи Великого князя Константина Константиновича Романова (подписывался псевдонимом К.Р.). Входила в репертуар Н. А. Большакова.

– Сегодня видел его?

– Ночами он на верхних этажах бывает, буфет-то у него что аптека, утреннее заведение.

Из-за двери раздался пьяный рев:

– Санька, песий сын! Вылазь из-под стойки!

Санька подскочил с бочки, зачистил:

– Прощенья просим, господин офицер, бежать надобно, вишь, ктой-то серчает. Запросто могут начать буфет крушить. Вы подымитесь наверх-то, любого официанта спросите, они укажут за полтинничек.

И выскользнул из каморки.

– Ну будет шуметь-то, уж и отойти по нужному делу нельзя, – услышал Константин Павлович его суровые увещевания.

На втором этаже он схватил за локоть первого официанта, пробежавшего мимо, блеснул серебряным полтинником с царским профилем и спустя всего пару минут уже наблюдал за дикими плясками бледного молодого человека с длинными черными волосами в довольно странном наряде: бордовом бархатном пиджаке поверх серебристого жилета и с пышным зеленым бантом вместо галстука. Время от времени он прерывался, подходил к столику, уставленному бутылками и тарелками, опрокидывал стопку чего-то мутного и высокоградусного, дико морщился и быстро-быстро щелкал пальцами, следом, ничтоже стесняясь, прямо щепотью щедро отправлял в рот квашеную капусту. На столе было полно и горячих закусок, но к ним гуляка почти не притрагивался. Выпив и закусив, он возвращался к пляске.

Наконец оркестр объявил перерыв, и танцор плюхнулся на стул. В зале погас свет, узкий желтый луч высветил малое пятно на сцене, выхватив из темноты тонкий силуэт в чем-то серебристо-струящемся, с откровенно и в то же время беззащитно обнаженными плечами. Воздушное создание трогательно обхватило себя руками за голые плечи и нараспев задекларировало неожиданно низким грудным голосом:

Пускай все те, которые живут,
Уйдут, укрывшись рваными стихами,
Пускай уснут с открытыми глазами,
Сменив мечту на призрачный уют.

Пускай все те, которые любили,
Распнут любовь на огненной звезде,
Целуя кровь на сломанном кресте,
Покрывшемся метровым слоем пыли.

Пускай все те, что раздавали свет
Пустым глазам ночных холодных окон,
Умрут во тьме, привыкнув к серым склокам
И не сумев судьбе ответить «нет».

Пусть все уйдет: стихи, дожди, мечты,
Пусть небо упадет на землю градом,
Но ты все время оставайся рядом,
Пусть все уйдут, не уходи лишь ты⁸.

---

⁸ Здесь и далее этот персонаж читает стихи, написанные автором романа.

С минуту после окончания стихотворения в зале висела полная тишина, а потом ее раскололи на куски робкие хлопки, так и не перешедшие в овации. Снова зажгли свет. Константин Павлович очнулся, прищурился, ослепленный, а когда проморгался, с ужасом обнаружил, что официант убирает с интересовавшего его столика оставшуюся еду, а стул уже пуст. Чуть не расталкивая встречающих гостей, Маршал слетел в буфет, с трудом протиснулся к выходу, но увы – на улице было полно народа, однако нужного человека он упустил. Снова ринулся в тесноту буфетной, уже не стесняясь, схватил за белую манишку Саньку и заорал тому прямо в ухо:

– Видел его?! Он выходил?!

Тот испуганно втянул голову в плечи, быстро ею закивал и для верности заорал в ответ:

– Минуты две как вышли, не больше!!!

Маршал выпустил напуганного буфетчика, со всей силы приложил кулаком по стойке. Санька поспешно отступил вглубь, тщательно расправил помятую накрахмаленную сорочку, обиженно наблюдая из-под насупленных бровей за муками сурового полицейского, но видя, что тот вовсе убит случившимся, опять махнул в сторону коморки.

Второй раз за вечер оказавшись среди бочек и бутылок, Маршал лишь раздраженно бросил:

– Чего тебе?

Санька заговорщицки понизил голос, хотя подслушивать их вроде бы было некому:

– Господин полицейский, вам ежели очень сильно нужен этот Николай Егорыч, то я вон чего вам присоветую: через четверть часа, не больше, вернется извозчик, что его отвозил. Он завсегда одного и того же берет, уж месяц почти. Я вам его укажу, у него кобыла красивая такая, сама чернее ночи, а посеред лба звездочка белая, и грива белая. И бабки тоже белые, будто как в чулках коротких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.